

#взаперти
#тайны прошлого
#глазами убийцы

на месте жертвы

Ангелина Саратовцева

СКАЗОЧНИК

ЧТО, ЕСЛИ СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ ЭТО НЕ ВСЕГДА МЕТАФОРА?

На месте жертвы

Ангелина Саратовцева

Сказочник

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Саратовцева А. К.

Сказочник / А. К. Саратовцева — «Издательство АСТ»,
2023 — (На месте жертвы)

ISBN 978-5-17-154979-4

Он гениален во всем. Его книги – завораживают, его вкус – безупречен, и одного его взгляда достаточно, чтобы потерять голову. Гениальный убийца. И все же у нее есть шанс. Возможно... Что, если скелеты в шкафу это не всегда метафора?..

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154979-4

© Саратовцева А. К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ангелина Константиновна Саратовцева

Сказочник

© Ангелина Саратовцева, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть 1

Глава 1

О вреде исполнения желаний

Наверное, он всегда знал о своей гениальности. Да и Сказочником назвался не просто так.

– Больно, моя маленькая? – Он заботливо промокнул кровь в уголке моего рта – рана почему-то снова открылась. Нежное прикосновение отозвалось гудящей тяжестью в голове.

Осенняя ночь давила на меня смоляной тьмой, я вдыхала глубоко, но все равно не могла продышаться. От этих холостых попыток вздохнуть уже начало саднить между ребрами.

Я сидела, точнее, полулежала на переднем пассажирском сиденье *его* внедорожника. Через распахнутую настежь дверь вливалась дождевая пыль. Невидимая. Еле осязаемая. О побеге не могло быть и речи. Тело не слушается – я не сделаю и пары шагов, даже не встану на ноги. К тому же *его* крупная фигура загородила мне выход. Бледное лицо Сказочника отвернулось в сторону всего на секунду. Но я успела отчетливо увидеть в профиле что-то драконье: мощная шея, грубоватые черты лица, темные густые волосы разметал ветер. Глаза сверкнули в темноте. Весь мир вокруг меня черно-серый, а в них – золотые пятна. Сказочник выглядел не моложе своих лет, он выглядел человеком вне времени, как будто старость и смерть о нем забыли. Ледяной воздух прорвался ко мне из-за его спины и окончательно привел в сознание.

Я крепко зажмурилась и тут же снова открыла глаза. Это не сон!

– Отпустите, – прошептала я, особо ни на что не рассчитывая. Сказочник не ответил. Только небрежно стянул со своих бледных крупных кистей черные кожаные перчатки. Будто меня не было рядом. Будто мой умоляющий шепот слился для него с шелестом травы.

– Знаешь, я просмотрел пару твоих романов, Манечка. Хотя это, конечно, не романы... – Сказочник остановил на мне взгляд. Взгляд рептилии. Тут же грубо дернул ремень безопасности и точным движением пристегнул меня.

Я вжалась в кресло. Сердце забило быстрее, еще немного – и удары сольются в монотонный гул. Мои тексты... Он не прочитал, а просмотрел? По диагонали, наверное. Неужели меня сейчас волновало его мнение о моих романах? Получается, что волновало. Что он скажет о них? Этот мастер, этот Сказочник. Мой эталон. Добрый бог, которому я тайно поклонялась с детства. Добрый бог, оказавшийся совсем не добрым. Я совершенно забыла о туго связанных онемевших запястьях. О воздухе, которого мне мало. О том, что я ночью в лесу. Наедине с монстром.

– Неплохо. – Его пальцы нежно погладили мою щеку – так ласкают собак или кошек. Затем он продолжил: – И мне польстило очевидное мое влияние на твоё творчество. С тобой можно и поработать. – Сказочник резко открыл бардачок и швырнул туда перчатки. Немного земли с них осыпалось на бежевую обивку. Меня замутило. О чем я думаю? Какие книги?! Нас было четверо... А теперь двое. И на перчатках Сказочника земля.

– Замерзла? – Теперь его горячая тяжелая ладонь скользнула по моему голому плечу. Я дернулась в ответ на это прикосновение.

Холода я не ощущала. И тряслась не поэтому. Просто я боялась. Разделить участь тех, кто навсегда остался в этом лесу. Из последних сил сосредоточилась. Лишь бы не упустить шанс. Сбежать. Спасти. Выжить. «Сделай хоть одну ошибку, Сказочник, пожалуйста!» – безмолвно молилась я. Любую оплошность, а я воспользуюсь ею без раздумий.

Он подался назад, и воздуха стало больше. Сказочник захлопнул дверь.

Машина легонько качнулась, когда он занял водительское кресло.

И тут мне стало ясно: оплошности не будет. Он все понимает, все чувствует. Только человек, который *так* чувствует, мог писать такие тексты...

И в этот момент он понял, что я поняла. И усмехнулся.

– Вот и умница, – подытожил Сказочник. Он пристегнулся и еле заметным движением коснулся кнопки на приборной панели.

Внедорожник плавно двинулся с места. И я поплыла через темноту, догадываясь, что это путешествие в один конец. Раздался глухой щелчок – сработала блокировка дверей. Ну и бог с ней. Что дала бы мне эта дверь? Куда бы я побежала? По проселочной дорожке в лес? В шелковом вечернем платье и на каблуках? А больше бежать было некуда. Если я все-таки вырвусь от него (при условии, что вообще выживу), и следовательно привезет меня сюда, чтобы я показала, где Сказочник заживо похоронил тех несчастных, а меня решил для каких-то своих целей оставить, я не смогу указать место захоронения. Я видела только фрагменты земли и деревьев, которые выхватывал из небытия свет фар.

Сказочник опустил стекла. Наверное, понял, что мне плохо.

За окнами машины ночной сосновый лес был похож на все леса на свете. Запах мокрой от вечерней росы травы не давал мне ни свежести, ни ностальгии по даче и детству, ни легкого дыхания.

Я думала о траве, которая вырастает на могильных холмах. Она пахнет так же. Я еще жива, хотя, может быть, уже нет? Может, он для себя этот вопрос уже решил?

Я закусила губу. До отрезвляющего вкуса металла во рту. Неважно, что болит голова. Неважно, что рассечен висок. Я только хотела спросить Сказочника: мне будет очень больно?..

Три дня назад я готовилась к сегодняшнему вечеру и была так счастлива! От этого мое новое чувство становилось только пронзительнее и острее.

Глава 2

Манины провода

(Тремя днями ранее)

Женя, роскошная платиновая блондинка модельного роста, стояла на пороге алкомаркета ровно в полдень.

Ей было плевать на проводивших ее сальными взглядами двух загорелых парней – увидев ее ксиву, они бы мигом спали с лица. Хотя она и не была ни следователем, ни опером, но преподаватель в университете МВД – это тоже неплохо. Женя изогнула в усмешке красивые губы. Ей все говорили, что она похожа на Ванессу Паради. Пожалуй, так оно и было.

Женька, лучшая подруга «широко известной в узких кругах» молодой писательницы Маши, не сомневалась: Маша потерялась. И произошло это не в тот день, когда ее позвали на эту литературную тусовку, где она, предположительно, встретится со своей «детской болезнью» в лице известного писателя Владислава Юрьевича Сказочника. Она потерялась еще в ранней юности, когда открыла первую (на взгляд Жени, совершенно дурацкую) книгу его авторства.

На сегодня были намечены посиделки, подруги устраивали их уже много лет дважды в неделю. Традицию старались не нарушать.

Поэтому Женя и оказалась в полдень на пороге алкомаркета.

Машу пора было растормошить. А для этого понадобится немного допинга. Женьку уже распирало, ей было что рассказать подруге про этого ее Сказочника. Любила посплетничать, был грех.

Женя наконец потянула массивную ручку двери маленького магазинчика, за которую вот уже полминуты держалась, провалившись в мысли о своей подруге. Маша – радость наша, или просто мелкая. Во-первых, потому что младше Жени на четыре года, во-вторых, потому что ниже на голову.

Две бутылки, интересно, хватит или нет? Наверно, будет достаточно, а то мелкая не протрезвеет к своему светскому рауту, где соберется вся их литературная тусовка. Вдруг этот «авторитетный парень», Сказочник, действительно ей там встретится? Ха, парень. Как говорила Женькина мама, «молодые люди моего возраста». Чем черт не шутит, может, Сказочник поспособствует карьерному росту подруги, если у них сложится общение.

На всякий случай Женя взяла три бутылки вина.

Без пятнадцати пять Маша стояла на пороге Жениной квартиры, неловко переминаясь в обтрепанных старых кедах. Женька от разочарования издала фыркающий лошадиный звук. С одеждой было лучше: светло-зеленый стильный хлопковый костюм, прошлогодний Женин подарок немодной Маше. Густые каштановые волосы юной писательницы как обычно в «ведьмовском» беспорядке.

Женя тяжело вздохнула, раскрыла дверь шире, ухватила гостью за тонкое, фарфоровой бледности запястье и без всякого пиетета дернула внутрь. Входная дверь шумно захлопнулась...

Женькина квартира – ледяной замок Снежной королевы. Холодное освещение из ниши под потолком. Белые стены, компактная светлая мебель. А все, что не белое, из прозрачного стекла. Из центра ледяной крепости точно вырастала сама Женя – венец обстановки – на белом диванчике за стеклянным столиком, как на троне. Напротив нее сидела Маша, впадавшая в задумчивость и гипнотизирующая остатки белого вина в фужере с голубоватым напылением по краю. Очередной кусочек льда в Женькиной обители.

За пару минут обсудив очередного кавалера Маши, Женя эффектно свернула дискуссию:

– В общем, понятно, – с печальной иронией протянула Женя, закидывая ногу на ногу, – до известного нам эталона не дотягивает.

И тут же поймала легкий укор во взгляде Маши.

– Мне тут подсказали... В общем, так вышло... – Женя решила перейти к теме, которая действительно могла бы заинтересовать Машу. – Я по кое-чьей наводке почитала одного чернушного писателя. Трэш, готика, нуар, в общем, безобразие. Скажу тебе как лицо незаинтересованное, но обладающее развитой интуицией: этот маньяк пишет в точности, как *он*.

– Что за писатель? – сразу оживилась Маша.

– Игорь Масонов, его настоящее имя неизвестно. Но по стилю, по манере изложения... Черт возьми, этот маньяк – вылитый твой глубокоуважаемый Сказочник.

Слово «глубокоуважаемый» Женя произнесла медленно, издевательски, с расстановкой, вкладывая явный порнографический смысл.

Маша нетвердой рукой записала себе в заметках на смартфоне имя писателя. Чтобы, когда протрезвеет, все про него узнать и составить «экспертное заключение», может ли это быть один и тот же человек. Или подражатель. Или Женьке, которая по образованию была юристом, просто показалось. Она ведь совершенно не разбиралась в теме. Была «махровым обывателем», исключительно удобным для тест-драйва Марусиных новых опусов. Почти всегда мнение Женьки совпадало с мнением «народа». Во многом именно благодаря ей и этим «тестам» Маше удалось худо-бедно всплыть на поверхность литературного болота.

И теперь это самое доверенное лицо, лучшая подруга, закинула одну свою неприлично длинную стройную ногу на другую и, как показалось юной писательнице, явно глумилась над ней...

Выражение лица у Маши стало еще сложнее. Пауза затягивалась.

– Я не пойду ни на какую тусовку, – неожиданно сообщила Маша, встряхивая густой растрепанной шевелюрой, – я мелкая и страшная. И... тупая!

Алкоголь явно отправил Марию колесить не на те рельсы.

– А он гений, – скорбно завершила пьяная писательница, – а я... а у меня... и платья даже нет подходящего...

Нечто среднее между соколиным клекотом и совиным уханьем разнеслось по квартире. Женя поднялась с диванчика, утирая выступившие от смеха слезы. Она любила Машу и собиралась помочь ей познакомиться с этим мужиком. Раз уж он для нее так много значил.

На взгляд Жени, это был просто начинающий стареть мажор. Но! Достаточно было вспомнить иконостас его книг в Машиной спальне. Или как подруга севшим голосом уговаривала сопроводить ее на какой-то их дебильный писательский форум, где он читал лекцию...

В очередной раз вздохнув, Женя обошла Машу и, без особого труда подхватив некрупное туловище подруги под мышками, куда-то поволокла.

– Ты чего? – Маша наконец-то заулыбалась, нелепо загибая конечностями в попытке найти опору. – Куда?!

– В гардеробную мою. Платья мерить будешь.

– Твой?! – не поверила Маша, однако неуверенно сделала несколько самостоятельных шагов. – Ты же на двадцать сантиметров выше меня!

– Я помню, подрежем. Я умею. У меня и швейная машинка есть!

– Что-о-о? – Маша из Жениных рук стекла на ковер. Запрокинула голову. Женя была, как маяк. Женя уходила в поднебесье и вокруг нее кричали чайки. Или это звенело у Маши в ушах от выпитого?..

– Шутка! Ну где я и где рукоделие? Обратимся к профессионалам. А знаешь что, – вдруг проникновенно посмотрела Женя в глаза подруге, – этот совдеповский Лавкрафт действительно подошел бы тебе. Вы жили бы, как говорится, недолго, но очень счастливо, – на этих словах Женька захохотала. Видимо, шутка показалась ей феерической.

На второй бутылке в ней частенько просыпался стендап-комик.

– Seriously, – продолжила Женя, поднимая Машу и направляя к гардеробной, – я предчувствую: он будет там, и вы пообщаетесь. Веди себя естественно. Как будто он тебе со своим недотворчеством до лампочки, – инструктировала Марию многоопытная и многомудрая подруга, уже стуча заветными вешалками. – Только не переборщи. Чтобы было: «Кажется, я что-то читала, это очаровательно», а не: «Шел бы ты отсюда со своими писульками, чепушило бездарный». Даже не смей его хвалить, выражать восхищение, говорить, что обожаешь...

– Ну естественно! – оборвала Маша. – Я же не вчера родилась.

– Кстати, Сказочник – это фамилия или прозвище? Или псевдоним? – вдруг спросила Женя и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Господи, надеюсь, не фамилия. А если фамилия, то дурацкая. Тебе не пойдет.

Женя извлекла на свет бордовое короткое шелковое платье на бретельках.

– А вот это тебе подойдет. И даже подрезать не придется.

Маша благодарно заулыбалась и приняла платье из рук подруги.

А утром в день вечеринки Женю разбудил телефонный звонок. Законный выстрадавший отгул насмарку!

Она еще не единожды будет вспоминать этот момент – это была та самая точка невозврата. Вот здесь Машу еще можно было остановить. Сожгла платье утюгом? Ну и ладно, не ходи тогда, маленькая дурочка. Или можно было накричать. Но вместо этого Женя велела Маше успокоиться и выходить на улицу через пятнадцать минут. Чтобы отвезти подругу на своем белом как снег «додже» в Женкин любимый бутик. Еще не хватало, чтобы мелкая пошла в торговый центр и купила какую-нибудь дрянь!

Помимо прочего, Жене не терпелось узнать, что же подруга думает по поводу Масонова и Сказочника. Машино невразумительное мычание и вялые отговорки только распалили интерес подруги. В итоге опытный юрист припер хрупкую писательницу к стене.

– Ну? – протянула Женя, гневно постукивая вешалками с платьями. – Ты скажешь мне что-нибудь? Или нет? Хотя то, как ты мямлишь, само по себе о многом говорит. Есть такое искусство – мямлить. Так вот, дорогая! Ты, несмотря на свою причастность к миру литературы и журналистики, этим искусством не владеешь! Отвечай сию секунду!

– Да! – почти выкрикнула Маша.

Продавец-консультант с подозрением покосилась на подруг. Маша сделала ей отмашку, которая означала нечто среднее между «извините» и «мы больше так не будем».

– Вот это да! Я так и думала! – заговорила Женька возбужденным шепотом, отворачиваясь от пестрой вереницы вечерних туалетов и впиваясь в подругу взглядом. – Вот ведь старый...

– Он не старый, а нормальный, – Маша пыталась держать оборону и даже возмущенно упирать руки в боки, – к тому же я не уверена. И вообще, хватит напирать!

Женя воздела руки в примирительном жесте и вдруг взвизгнула, указывая в сторону витрины.

– Это! По-любому это платье! Только это! – заключила Женя. Она бы взяла его себе. Но мелкой сейчас нужнее. – Меряй. Я тебе приказываю. – Единственное, чем ты в нем рискуешь, – что твой одаренный старпер скovyрнется от счастья, или сердечко у него не выдержит.

Женька разродилась утробным хохотом, совершенно не вяжущимся с ее утонченным личиком.

– Дура, – тихо прошипела Маша. Руки с боков безвольно сползли. Все равно ей не шла «поза сахарницы», да и получилось неловко.

– Девушка, нам это платье в примерочную, – изрекла Евгения, обращаясь к консультанту.

– И каблуки, не ниже восьми сантиметров. Ты мелковата. – Это уже было адресовано Маше. Женя сегодня была особенно жестока. – Я посмотрела в википедии его рост. В принципе, ты подходишь, – договорила она, делая приглашающий жест в сторону примерочной.

– Что ты сделала? – округлила глаза Маша, неожиданно притормозив на входе.

– Да шутка же! – заверила Женя, подталкивая миниатюрную подругу уверенным движением. – Иди примеряй уже, ради бога!

Маша скрылась в примерочной.

Платье было роскошным, игра света делала его то голубоватым, то кремовым. Длинное, ровное, классическое, но с высоким разрезом сзади, почти до верхней трети бедра. Абсолютно голая спина и вполне прилично прикрытая зона декольте, изящные тонкие бретельки. Стиль недалек от бельевого. Было лишь одно «но». Нижнего белья это платье явно не предполагало, и тело под струящейся материей вырисовывалось уж слишком отчетливо.

– Ну? – раздался снаружи примерочной нетерпеливый Женькин голос.

– Между античной богиней и валютной проституткой, – констатировала Мария.

Женькина голова просунулась между занавесками. Она присвистнула и уставилась на Машино отражение в зеркале.

– Это огнище! – заявила она. – Если ты посмеешь его не купить, я тебя задушу. И писателю-маньяку придется обломаться...

– Жень, ну серьезно! – пресекла Маша очередной сеанс стендап-комедии на Женину любимую в последнее время тему и неубедительно пробурчала: – Не буду я это покупать...

– Ладно-ладно, – мирно проворковала Женина голова и исчезла.

Разумеется, платье Маша купила.

К нему добавились туфли. Не то чтобы каждый шаг в них был пыткой. Умеренно удобные серые лодочки. Как раз то, что надо, поездку в такси и позирование фотографам на банкете Маша переживет. А вот поход на дальние расстояния действительно может причинить ей *настоящую* боль.

«Ну не по лесу же мне в них бегать», – подумала Мария.

Глава 3

Стечение обстоятельств

Я вышла из такси на негнувшихся ногах, замерла на секунду перед зданием гостиницы. Неужели правда? Сказочник сейчас там? Он меня заметит? Или скользнет невидящим взглядом, как тогда, на форуме, куда я чудом затащила Женьку? Она еще шепнула тогда мне на ухо что-то типа: «Старый на тебя пялится». Хотела подбодрить или поиздеваться, я не знаю. Не заметила, чтобы он на меня смотрел. Как бы то ни было, сегодня я начинала все сначала.

Швейцар распахнул передо мной двери.

«Ну, будь что будет».

Миновав небольшой холл, я сразу провалилась в просторный квадратный зал.

Блестящие мраморные полы. Благородный жемчужно-серый перелив стен. Идеальное освещение не резало глаза. Официанты бесшумно перемещались между круглыми фуршетными столиками. А как организаторам удалось добиться запаха росы в банкетном зале гостиницы?! М-да, наверняка это обошлось очень дорого.

Все улыбались: знакомые лица и незнакомые. Хотя я из последних сил выдавливала улыбку, а каждый шаг отдавался болью (чертовы новые туфли!), я все отчетливее понимала: я здесь лучше всех. Мое отражение в стеклах и зеркалах излучало сияние. Волосы лежали идеально — в меру аккуратно, в меру естественно. Глаза блеснули. Мне было страшно! Но все вокруг видели немного застенчивую хрупкую принцессу в струящемся кремовом платье.

Первый глоток прохладного колкого шампанского меня почти умиротворил, я на несколько мгновений поверила, что ничего *особенного* со мной уже не произойдет. Даже ощутила еле заметный укол разочарования, как вдруг...

– Манечка, – непривычно ласковый голос Татьяны Петровны, моего редактора, оторвал меня от самокопания, – Маруся. То есть, Мария Викторовна...

Я наконец подняла глаза на эту симпатичную сорокалетнюю женщину. Уверенная в себе жрица местных богов. Ей были открыты все двери, но ни одна из них ее не интересовала. Татьяна плыла на меня, как голубой атласный крейсер, в длинном небесного цвета платье, самую малость врезающемся в широковатую талию. Она бестактно растолкала пару неуверенно мнущихся ребят, попавшихся на ее пути.

В рабочем режиме Татьяна не раз «выкручивала мне руки», но именно ей я была обязана своим нынешним положением – не выдающимся, но крепким. Именно она когда-то давно, на заре моей деятельности, сказала мне первое «да». Конечно, это было не совсем «да», скорее, это было «да, но...».

И тут я поняла: голубой крейсер-Таня плывет на меня с умыслом. Еще два вдоха и два выдоха. И она изменит мою жизнь. Бред...

– Мария Викторовна, вы не знакомы с Владиславом Юрьевичем? – Татьяна небрежно махнула пухлой ладонью куда-то в сторону и назад, одновременно иронично подмигивая мне.

Была ли я готова? Нет. Но я была готова притвориться.

Хорошо, что я проглотила шампанское до того, как она подала голос. Теперь я хотя бы не поперхнусь.

Сказочник, Владислав Юрьевич, скромно стоял за ее круглым, мягким даже на вид, плечом. Как будто он не король этой вечеринки, не приглашенная звезда, а так – мимо проходил. Не небожитель, а сосед по подъезду.

Это происходит со мной? Или я где-то лежу и болею? Меня трясет, лихорадит и мне мерещится в агонии и этот праздник, и этот человек?

Даже если так, я обязана собраться. На случай, если все это правда.

Я мгновенно прокрутила в голове все Женькины советы, пропустила их через призму своих личных представлений об этикете и женской привлекательности.

Затем вежливо улыбнулась и мягко покачала головой: нет, Таня, мы с уважаемым Владиславом Юрьевичем не знакомы.

– Очень приятно, – произнес Сказочник, ненавязчиво подхватывая мою руку и ненадолго прижимаясь к тыльной поверхности кисти горячими губами.

В его голосе, хрипловатом, но мягком, было что-то кошачье. Он словно обволакивал меня. Легко было представить, как он читает вслух свои книги, и попасть под этот своеобразный гипноз.

От Сказочника веяло карамелью и сгоревшими душистыми травами. Тонко, еле слышно. Но я захлебнулась. Переполнилась. Умерла. Его дух мгновенно забил мне легкие и пропал. Смешал меня с горячим ветром. Я просто стала дышать каким-то иным воздухом...

Мы перекинулись парой дежурных фраз, что полагались в такой ситуации: два писателя только что познакомились. *Неопытность и многоопытность*. Он мог назвать меня коллегой, но не стал, спасибо и на этом. Мы оба понимали, что между его уровнем и моим лежит бесконечный путь. И неважно, что он, скорее всего, не знает, кто я и что написала. Ему просто не было равных в этом зале. В этом здании. На этой улице. Нигде. Для меня – ему вообще не было равных. Но если он это поймет, я навсегда останусь для него пустым местом.

Так что я стояла к нему вполоборота. Слушала вполуха. И поглядывала на свою кисть: кожа горела там, где он дотронулся до нее.

Я смутно понимала: вокруг ведут беседы женщины в вечерних платьях и мужчины в дорогих костюмах. Их голоса сливались в невнятный камышовый шелест. Я слышала только Сказочника. Периодически теряла нить и мысленно уходила под воду, выныривала и снова дышала, ведомая все тем же звуком – голосом Сказочника.

Кажется, он пошутил над главным редактором. Я по инерции рассмеялась. Он спросил, почему мы раньше не пересекались. Я пожала плечами. Ответила, что нечасто посещаю подобные мероприятия. (Это была неправда.) Он сказал, что тоже не очень частый гость на таких встречах. (Это была правда, иначе мы и впрямь столкнулись бы раньше.) Он живет далеко за городом, уединенно. Там ему лучше пишется...

Странная, будто чужая мысль яркой вспышкой озарила задремавший разум: «Интересно, где ты живешь? На кладбище? Или в психушке?»

А вслух я посокрушалась, что приходится жить в городе. Я, мол, пока себе на усадьбу не накопила. Но в будущем – всенепременно. Он немедленно пригласил меня как-нибудь посетить его владения. Я ответила вежливым кивком. (Бегать по кругу и вопить от счастья я не могла.)

– Вы читали мои книги? – не удержался наконец Сказочник. Он пригубил шампанского и качнул головой, его темные вьющиеся волосы напоминали мне о каких-то лошадях. Таких черных, с кудрявыми гривами... Забыла, как называется порода.

Да какие еще лошади?... Пауза затягивалась.

– Читала, – медленно ответила я, стараясь придать голосу нейтральное выражение. Спросить: «А вы мои читали?» – я, конечно, не посмела. Конечно, не читал. Кто я и кто он. Нечего и думать об этом. Он, наверное, ждет теперь, что я похвалю его творчество, я должна. Как бы это сделать? Черт, надо было подготовиться. Все слова вылетели из головы. Но нельзя же промолчать. Главное, не слишком сильно сжимать ножку фужера. Будет неловко, если я ее раздавлю.

– Мне... – начала было я.

– Не обязательно что-то говорить, – Сказочник вновь запечатлел быстрый поцелуй на моей руке, я и не заметила, как он умудрился поймать меня так непринужденно.

– Вы такая малышка, – вдруг усмехнулся Сказочник, оглядывая меня сверху.

«Нахал», – вновь заговорил внутренний голос.

– Нахал, – вдруг произнесла я вслух, сделала последний глоток шампанского и поставила фужер на высокий столик. Окинула своего наглого собеседника уверенным (по крайней мере, мне хотелось в это верить) взглядом. И только сейчас заметила, что ему удастся держать в руке помимо фужера еще и тетрадь в кожаной обложке. Или дневник. Ну кто в наше время таскается с бумажными заметками? Да еще на подобные мероприятия? Станный он все-таки.

«Повторяй себе это почаще, – подбодрил внутренний голос, – может, тогда перестанешь плавиться изнутри. Как шоколад».

Сказочник мягко рассмеялся. Что-то заныло у меня за грудиной от его смеха. Какой-то орган, о существовании которого я раньше не подозревала.

– У меня средний женский рост, – по инерции сообщила я.

– Не обижайтесь, – все еще посмеиваясь, договорил он, – вы идеальны. Как Таис Афинская.

«Он что, обозвал меня проституткой сейчас?!»

Я наконец повернулась к Сказочнику и посмотрела прямо ему в глаза. Видимо, немой вопрос читался в моем взгляде.

– Нет-нет, – проговорил он сквозь новый приступ смеха, – я не это имел в виду. Вы божественны. Мужчина, которому вы принадлежите, несомненно, поймал удачу за хвост.

«Принадлежите?!» – взорвалось мое возмущенное подсознание безмолвной яростью.

Через мгновение ярость рассеялась сама собой. Как вода, ушедшая в рыхлую землю. Он снова характерным движением откинул прядь волос от лица. Фриз! Эта порода лошадей называется фриз.

– Простите, – тут же пошел на попятный Сказочник, – если я сказал нечто недопустимое. Я не хотел вас оскорбить. Ваше божественное одеяние путает мои мысли.

«Черта с два что-то путает твои мысли, ты говоришь ровно то, что собирался!»

– Все в порядке. – Я улыбнулась так обворожительно, как только могла.

Но его не проведешь. Знаменитого нахала снова начал разбирать смех.

– Очаровательная малышка, – проговорил он, успокоившись.

Было в его взгляде что-то от рептилии, холодное и безжалостное. Но и кипящей жизни тоже было в избытке. Удивительная двойственность. Мне стало интересно, какая часть его личности – писатель-чернушник Масонов? Тот, с глазами рептилии? Или этот, нагловатый ловелас позднесредних лет? А может, Масонов не имеет к нему никакого отношения?

«Как бы не так, *малышка*», – саркастично обратился ко мне внутренний голос.

– Извините, пойду поздороваюсь с начальством. – Я ускользнула от него. Видит бог, для меня это был подвиг. В какой-то бабушкиной книге по этикету я прочитала, что девушка должна первой завершать беседу. Так что я немного поиграла в барышню-кокетку. Хотя скорее была зверем, отгрызающим себе лапу, чтобы выбраться из капкана.

Старалась не смотреть ни на короткую вьющуюся гриву, ни в налитые безумием золотистые глаза. У лошадей такие бывают, когда они запыхались. Сеть красных прожилок на белке. И брызги белой пены на губах. Сейчас перекусит уздечку, дыхнет предостерегающе горьким дымом, и окажется, что это и не конь вовсе, а... кто?

Почти сразу же я налетела на Татьяну Петровну.

– Познакомились со Сказочником? – тут же взяла быка за рога редакторша.

– Ага, – вяло откликнулась я, с ужасом осознавая, что ноги у меня ватные. Зато туфли почти не причиняли мне боли.

– Надеюсь, он тебя не обидел? Он может наговорить всякое... особенно красивой девушке. Не принимай всерьез. Он вообще не такой. Знаешь, почему я тут же потащила его с тобой знакомиться? – тараторила Татьяна. – Он сам меня попросил. Он что-то прочитал из твоего, кажется, «Империю» и «Чумную сказку». Просил познакомить с автором.

«Не лучший выбор, – отозвался внутренний голос, – это не самые сильные мои вещи».

Я оглянулась. Удостоверилась, что Сказочник уже оживленно болтал с незнакомой мне парочкой. Мужчина в дорожном костюме, его спутница – в броском алом платье и с сияющим неприлично крупными рубинами кольцом на пальце.

– И что он сказал тебе о моих книгах? – решила спросить я.

– Ничего не сказал. Я думала, он сам тебе скажет, – растерялась Таня, если женщина-атласный-крейсер вообще способна теряться. – Не сказал?

– Он, – я старательно подбирала слова, – вообще об этом не говорил.

Татьяна рассмеялась и с деревенской непосредственностью хлопнула ладонью по поднебесным атласным юбкам: мол, я так и знала! Наверняка она еще и в удобных туфлях... Ее свободе и отсутствию комплексов я могла только позавидовать.

– Все ясно, – заявила она, – вот гаденыш. Ну, значит, еще подойдет.

– Кто эти люди? С кем он сейчас говорит, не знаешь? – поинтересовалась я, кивком указывая на колоритную парочку.

– О, это Яков Степанович Синельников и его пассия Аллочка. Яков Степанович собирается купить часть бизнеса у владельца Издательского дома. Сказочник тоже претендует. Этот Синельников здесь никто, ничего не знает, но страшно богат. Подрезал нашего Сказочника на повороте. Вбил себе в голову, что книги – дело благородное. И собственное издательство ему необходимо для статуса. – Таня скептически прищурилась, всем своим видом давая понять: ей плевать, смотрит ли на нее потенциальный хозяин издательства Яша. Она была тут всегда и всегда будет, и вообще – головной офис вокруг нее построили. Вначале была Таня...

– А Сказочнику-то с этого что? Он разве интересуется бизнесом? Я думала, он типа творческая интеллигенция, – промямлила я.

– Он как-то везде успевает, – пожала плечами Татьяна. – Иногда мне кажется, что он – это несколько разных людей. Хорошо бы, чтоб Сказочник сделал все как задумал. Он в предмете разбирается, свой тут уже много лет. Яков этот крайне не вовремя нарисовался из своих Штатов. Лучше бы ему так же неожиданно потеряться, как и нашелся. Он же просто идиот. – Редакторша начинала распалиться, но держала себя в руках, то бишь не выкрикивала всякое-разное, как мы с Женькой в магазине. – Надеюсь, до скандала не дойдет...

– А что, может быть и такое? – удивленно приподняла я одну бровь.

– Пойдем-ка поздороваемся с главным, возьмем шампанского, канапешек и присядем, я тебе кое-что расскажу. Ты же все время где-то прохлаждаешься. Прибегаешь, бросаешься в меня рукописью и убегаешь! И даже не представляешь, что у нас тут творится, – заговорщицки шептала Татьяна. Ей явно хотелось посплетничать.

Я молча подчинилась. Не удержавшись, снова посмотрела на Сказочника. Была уверена, что он болтает со своим конкурентом с редким именем Яков. Но нет, видимо, разговор скоропостижно закончился.

Однако Сказочник встретил мой взгляд и улыбнулся. Он поднял бокал, как бы давая понять, что – в мою честь.

Наверное, не стоило. Наверное, он мне почти нахамил, и следовало скользнуть по нему безразличным взглядом и идти за Татьяной. Но я улыбнулась ему в ответ, нежно, открыто, тепло. Я сделала это еще до того, как осознала этот поступок.

Оставалось только надеяться, что он не прочитал по этой улыбке краткую историю моей жизни и не понял, как моя душа привязана к его книгам. Такое вполне могло быть.

Он качнул головой, вновь откинув назад свою гриву, и пригубил из бокала. Я отвернулась и последовала за Татьяной, все еще чувствуя на себе его взгляд.

Мы уселись за угловой столик с канапешками и шампанским. Она заправила меня поглубже к стене, подперев теплым атласным боком. Я завидовала исходившему от нее ощущению внутреннего баланса. Историю издательских страстей, которую она мне излагала, сама она всерьез не воспринимала. Я в такую историю легко могла вляпаться по уши и потонуть.

Для нее же это было равносильно наблюдению за экзотическими рыбками в большом аквариуме. Она то и дело цокала языком, стучала пухлым пальчиком по стеклу, подбрасывала корм. А когда страсти утихали, она просто извлекала из воды пару рыбьих трупиков, плавающих животами вверх. Затем ей же предстояло вычистить аквариум и заселить его заново.

– Сказочник в разводе уже восемь лет, – нашептывала Татьяна мне в самое ухо, – его бывшая супруга вроде бы улетела в США. И там где-то пропала. Ни слуху ни духу. Детей у них не было, вроде бы у нее со здоровьем не все в порядке. И тут этот Яков. Не знаю, совпадение это, или он был знаком с бывшей женой Сказочника, но я так поняла, что он целенаправленно сюда явился вставлять ему палки в колеса. Какая-то у Якова с Владиславом глубокая личная неприязнь. Мне самой жутко интересно, в чем там дело. Может, ты мне потом расскажешь, – подмигнула мне Татьяна.

– Я?! – Щеки легонько защипало, наверняка я покраснела. – С чего это вдруг?!

– Молодая ты еще, конечно, – как бы смирилась с моей недогадливостью Татьяна. Можно подумать, она меня на сто лет старше.

Феномен коллективного сводничества начинал меня занимать. Хотя все было объяснимо. Сказочник в разговоре с Татьяной выразил интерес к моей персоне. Я (как и все в издательстве) неоднократно выказывала свой интерес к нему. А Женя... Женя просто слишком много про меня знала. В кино про таких друзей говорят, что их «пора убить».

Я усмехнулась.

За следующую пару часов я успела поболтать со всеми своими знакомыми, меня представили нескольким людям. Якова и его дамы сердца нигде не было видно. Как и Сказочника. Я немного загрустила. Не хотелось, чтобы такое многообещающее, хоть и слегка бестактное знакомство смазлось, сошло на нет...

И тут он появился. Какой-то напряженный, взвинченный. Или мне показалось?

Сказочник залпом опрокинул фужер шампанского. Затем крепко зажмурился и с облегчением выдохнул. Лицо его просветлело. Как будто миновала гроза. Казалось, он решил какую-то важную проблему. Может, его конкурент Яков покинул этот праздник жизни? Вот Сказочник и ходит теперь довольный. Видно, ищет, на кого бы излить накопившуюся энергию.

Он избрал жертвой главного редактора. Разговор завязался экспрессивный. Тем временем мы с Татьяной и детским писателем Андреем Севериным раздавили бутылочку вина на троих, заметно повеселев. Когда я уже почти забыла про Сказочника, он вдруг объявился. Андрей тут же вскочил из-за стола, стал возбужденно трясти «приглашенной звезде» руку. Сказочник был дружелюбен, но давал о себе знать излишек энергии. Его глаза сделались еще страшнее. В них я по-прежнему видела и рептилию, и человека, но теперь это все было за какой-то странной поволокой аффекта. Как будто он принял психотропные вещества. Хотя кто его знает... Исчез на два часа, а вернулся таким. Очень похоже, что так и было.

Честно говоря, я была разочарована. Снюхал дорожку или съел таблетку. Так и я могу написать «шедевр» об опыте проживания альтернативной реальности. От Владислава Юрьевича, очевидно, не укрылась перемена моего настроения. Вряд ли он понял, о чем конкретно я подумала. Но заметил, что очень понравился мне при знакомстве, а теперь у меня изменилось отношение, и я начала слегка тяготиться его компанией. Он был этим недоволен. Он буравил меня тяжелым взглядом, а я обращалась то к Татьяне с очередной ничего не значащей репликой, то к Андрею, то просто смотрела на капли, ползущие по стенке запотевшего бокала с прохладным вином.

Это было к лучшему. В той же бабушкиной книге по этикету писали, что, если выказываете мужчине безразличие после радушия – это также повышает твою ценность в его глазах. Не то чтобы я делала это специально. Обстоятельства складывались так, что я против воли дразнила зверя.

Наконец Сказочник поднялся из-за стола и вежливо попрощался с нами. Мы посидели еще минут пять, прежде чем Татьяна заметила, что он оставил на столе свой кожаный тисненый золотом ежедневник.

– Надо вернуть, – заявила Татьяна, – Манечка, зайка, он припарковался на этом унылом заднем дворе. Отнеси, пожалуйста. Я уже не рысак... – Редакторша в очередной раз подмигнула мне.

– Я могу, – подал голос Андрей. Ему было за счастье пообщаться лишний раз со знаменитым Сказочником.

– Нет, – профессиональным железным тоном отбрила его Татьяна, – Маруся сходит. Ну!..

Никаких других вариантов не предвиделось. Я вздохнула и встала из-за стола, подхватила ежедневник и направилась к выходу. По дороге я заглянула в уборную, освежиться и проверить, хорошо ли я выгляжу. Хотя, казалось бы, какая мне разница, что подумает психически нездоровый наркоман? В мою сумочку книжица явно не влезла бы, так что я несла ее в руке.

Шаг из здания гостиницы оказался шагом прочь из моей старой жизни. Иной раз ничего не подозревающий прохожий пересекает тихую улицу, и вдруг его сбивает не пойми откуда вылетевший спорткар. Шел через дорогу, а пришел в абсолютное белое. Нечто подобное случилось и со мной.

Машин было немного, внедорожник Сказочника найти труда не составило. Я обошла автомобиль и приблизилась к его владельцу со спины. Он что-то делал у открытой настежь задней двери. Я собралась уже окликнуть его, сказать о забытом ежедневнике, как вдруг заметила...

Из салона торчал толстый полупрозрачный полиэтилен. А из-под него выглядывала рука! Алые ноготки. Рубиновое кольцо на среднем пальце. Очень приметное. Это точно была рука подружки Якова. Где же он сам?

И тут, точно в ответ на мой мысленный вопрос, раздался стон. Явно мужской. Звук шел из салона автомобиля, из-под этой кучи полиэтилена. Сказочник молниеносно поднял с земли крупный камень и нанес четкий мощный удар. Стон оборвался.

Я не дышала. Ничем себя не выдавала. Сделала беззвучный шаг назад. Я всегда умела ходить тихо. Даже на каблуках.

Все эта сцена от начала и до конца не заняла и пяти секунд.

Он почувствовал, именно почувствовал, как животное, что я стою у него за спиной. Обернулся. Следующий удар пришелся мне в висок. Камень рассек кожу. Что-то горячее начало заливать шею, стекать под платье. Меня затошнило. Стало тяжело, темно и душно. Я упала. Рассекла губу в уголке рта. Мир ненадолго просветлел, и я увидела Сказочника *так* близко. Сердце пропустило удар. Карамель и сгоревшие травы. Горько. Больно. Страшно. Совсем не то наивное и светлое «страшно», что было в начале вечера, когда Сказочник целовал мою руку. Он смотрел на меня с явным сожалением.

– Все должно было быть не так, малышка, – Сказочник приподнял мое лицо за подбородок, – мне жаль.

Следующее просветление не принесло мне облегчения. Болела шея, болели руки, кровь вяло подсачивалась из ран. Я сидела на переднем пассажирском сидении. В ногах валялась моя сумка и его ежедневник. Опять затошнило. Накатило отчаяние. Это что, конец? Вот так?..

«Нет. – Мой внутренний голос словно забивал гвозди, чеканил каждое слово. – Делай. Что. Хочешь. Но. Мы. Должны. Жить».

Снова стало темно.

Не имею понятия, сколько прошло времени.

В следующий раз я очнулась под высоким черным небом. Ледяные звезды, космос, летящий прямо на меня. Я не заслужила такого исхода. Или заслужила?

Мягкий ворс пледа, на котором я лежала, не мог защитить меня от холода каменистой земли. Никто не мог меня защитить.

Лесополоса. Желтый свет фар *его* внедорожника. Безликая неасфальтированная дорога.

Он что, собрался меня здесь закопать?! Я была укрыта его пиджаком. Это странно. Зачем было укрывать, если все равно убьешь? Нет, видимо, план был другой. Через несколько секунд мне удалось сфокусировать зрение и, игнорируя головную боль, подняться на ноги. Пиджак сполз с плеч. Руки были туго связаны спереди, я почти не чувствовала кисти. Сказочник стоял ко мне спиной. Копал яму. Вокруг не было ничего подходящего, ударить его было нечем, да и не факт, что удалось бы хоть что-то взять онемевшими руками. Сделав шаг вперед, я поняла, что он уже закапывает яму. Он хоронил Якова и ту женщину. И самое страшное – я увидела, как дернулась ее рука: она сжала пальцы. И через мгновение на нее упала новая порция земли.

Эта картина лишила меня сил. У меня все поплыло перед глазами, и я опустилась на колени. Каменная крошка грубо впилась в кожу через тонкую ткань платья. Плевать на это.

Сказочник продолжил свое дело, стоя ко мне спиной. Через некоторое время он повернулся. Всё. С Аллой и Яковым – всё. Я вас не знала. Но мне очень жаль, правда. Прощайте.

Мои щеки горели, должно быть их пересекали едкие дорожки от слез.

В эту ночь я познала новую, неведомую прежде меру отчаяния. Человек, о котором я мечтала всю свою жизнь, оказался дьяволом. И увлек меня в ад.

Глава 4

Падение в бездну № 1

Впрочем, в аду я была не впервые.

Дрожащими руками я приняла от Сказочника стакан воды. Даже если она отравлена, это не имело значения. Засыпая нервным горячечным сном на диване в *его* гостиной, я снова чувствовала себя двенадцатилетней девочкой. Он сказал, что перенесет меня в комнату. Что это будет моя комната. Я с трудом слушала, сознание рвалось прочь, веки отяжелели.

Через октябрь и Аллочкину с Яковым могилу я, как через кроличью нору, попала пряником в давно отжившее и распавшееся гнилыми листьями лето.

В лето, когда нам было по двенадцать. Но тринадцать потом исполнилось только мне одной.

Кажется, я еще чувствовала руки Сказочника, обвившиеся вокруг моей талии, когда меня ослепило.

В тот день на излете августа солнце светило так невыносимо ярко, что невозможно было смотреть прямо перед собой.

Так что шлепающие впереди Олеськины мокрые ноги я видела урывками. Моргала. А потом вступала в короткий неравный бой с солнечным светом. Легкий ветерок почти не холодил. Только заставлял воду сходить мелкой рябью. И рябь эта ловила солнце и отсвечивала почти так же беспощадно.

Так что на старый высокий мост я волоклась за Олеськой почти вслепую. Острая трава щекотала голые ноги. Олеська уже была КМС по плаванию, а я... Я просто не хотела, чтобы она считала меня трусихой.

Никто другой не заставил бы меня прыгать с разрушающегося моста – с почти десятиметровой высоты – ровно в середину реки.

– Не бзди, Машко, я тебя, если что, вытащу. – Олеська резко повернулась ко мне, ее мокрые волосы окатили меня брызгами.

Я видела в каком-то фильме, как бросались осьминогом. И он летел, растопырив щупальца и вращаясь. Вот именно так, «по-осьминожьки», и крутанулись пряди ее мокрых волос. А я была слишком близко, когда она вдруг решила затормозить и ободрить меня обещанием спасения. Хотя я и не налетела на лучшую подругу, но по лицу «осьминожьими» волосами таки получила.

Олеська гордо сложила руки, запрокинула голову и победоносно звонко хохотнула. Ее волосы немного пахли тинной. Но, бесстрашная спортсменка, она все равно была красоткой в своем розовом купальнике. А я выглядела нелепо. Честно говоря, вместо этого деревенского экстрима я предпочла бы почитать.

Я гостила на ее даче и совсем не знала эту реку. А что было там, на дне? Что сверкало под мостом? Или просто рыба играла?

Олеська авторитетно заявила, что с заброшенного трамплина даже пацаны не прыгают. Так что прыгнуть с него – для нас теперь дело чести. Я помялась, но подчинилась. В нашей команде Олеська явно лидировала.

– Смотри и учись, Машко! – Мне не нравилось, как подруга коверкает мое имя. Но она была от этого в восторге. Я сначала не решилась сказать, что мне неприятно. А потом уже было неловко.

– Я не очень хочу, Олесь, – заканючила я, – и я, кажется, на что-то наступила... Вроде бы поранилась... Еще сразу занесу.

– Трусиха, – резюмировала Олеся, выходя на середину ветхого моста, – вот тебе магический артефакт.

Подруга стянула со среднего пальца правой руки колечко. Простое пластмассовое с овальным алым глазком, очень красивого оттенка. Как клюква. Оно ей досталось из автомата. Привязанное к жвачке. А мне тогда досталось уродское желтое. Ну что тут поделаешь? Олеська по жизни победитель.

Я расплылась в улыбке, и даже солнце как будто стало меньше слепить. Олеська надела мне на палец кольцо. Чуть великовато, но я в тот момент была так счастлива! – Ну все, Машко, не трусь... Давай вместе. – Подруга взяла меня за руку.

Теперь мы обе стояли на середине моста. Никакого ограждения уже и в помине не было. Был приделанный деревенскими пацанами трамплин. Рассчитанный на одного. Но мы пошли вдвоем. Я собиралась прыгнуть чуть вперед, а Олеська – в сторону.

Лишь бы не напороться на реальный гвоздь, а не на тот, что я выдумала в попытке отмазаться от прыжка.

А дальше время ускорилося. Полет. Воздух коротко просвистел навстречу, обдав холодом. Несмотря на жару. Я шлепнулась в воду и, не рассчитав, больно ударилась о поверхность. Не совсем плашмя, но достаточно ощутимо. Живот и бедра будут красными от удара...

Потом желтая вода. С запахом и вкусом «осьминожьих» волос Олеськи. Только сильнее. Тина и речная горечь. Вода залилась в нос и в рот. Как?! Закрывала же. Даже рукой нос зажала!

Но руку отодвинули какие-то внешние силы. И чтобы было совсем обидно – снесли с пальца кольцо с «клюквенным» глазком. Я это почувствовала.

К боли от удара, воде во рту и носу примешалась досада. Как же колечко-то?

Ну что за чушь?! Мне ведь уже двенадцать. И на день рождения мама с папой подарили мне настоящее золотое кольцо. Правда, без «клюквенного» камня.

Это было горько.

Какая-то внешняя сила подхватила меня. Уже не волна. Не сила притяжения. Руки. Руки взрослого. Меня тащили. Сквозь воду я видела желто-коричневый мир, весь в пузырях. Потускневшее солнце. И двух рыбок. Они быстро скрылись, и желто-коричневое раздвинулось, выпуская меня на поверхность.

Первый раз с момента прыжка я вдохнула. Воздухом, а не водой. В груди саднило, и я как-то страшно кашляла. Как будто лаяла по-собачьи.

– А со второй что? – спрашивал кого-то какой-то парень. Или даже мужчина. В мокрой черной футболке, прилипшей к теплому телу. Телу намного теплее моего.

Я висела на этом его теле, запрокинув голову, и знала, что ему очень тяжело. Что я сейчас стала как камень, холодная и неподъемная. И даже не могу никак облегчить эту тяжесть. Его вопрос я больше ощутила поверхностью тела, чем услышала, через вибрации, разошедшиеся по моей коже, когда он произносил слова.

– Плохо, – ответил другой мужской голос издали, – там арматура на дне... Так она прям на нее...

– Что?.. – спросила я то ли слишком тихо, то ли вообще не вслух. Не знаю. Этот парень или мужчина не ответил. Помню только, какой он был бледный и вдруг стал еще блее, затем слегка покачнулся. А его рыжеватые глаза смотрели мне за спину – туда, откуда шел второй голос, прямо на солнце. Они стали почти желтыми, а зрачок превратился в черную точку. А он будто не замечал, как слепит солнце, и глаза не закрывал. А я переживала за эти золотые глаза. Сильнее, чем за кольцо. Я боялась, что солнце сожжет эти глаза.

Про Олеську я вообще ничего не поняла. Потом, когда поняла, стало стыдно, что думала про кольцо. Или стыдно за что-то другое, чего мне уже не вспомнить? Хорошо, что об этом никто не знает. А что про глаза парня думала – стало только чуть-чуть неловко. Но не стыдно. Потому что это тоже очень важно. Хоть Олеська и важнее.

Белая-белая кожа парня как-то заволокла весь мир. Осталось в нем три точки – солнце и два золотых (драконьих) глаза – тоже солнца. Так что в белом мире, где светило три солнца и

пахло тиной, я оказалась на боку. На мягеньких пахучих комочках земли. Потом меня, кажется, вырвало речной водой. Я снова кашляла собачьим лаем. И голове стало тяжело.

Три солнца медленно погасли.

Но до того, как это случилось, я смотрела на них, широко раскрыв глаза. И они что-то сжигали в моей душе.

Три солнца делали так, что я была ни в чем не виновата. *Я никого не убивала.*

Глава 5

Чистый лист

Я проснулась резко и рывком села на постели. С ощущением, что надо успеть подскочить, пока не... Что? Пока на меня не бросили пригоршню земли?

Тяжело отдышавшись, окончательно прогнала остатки сна. Плохого. Но не такого жуткого, как моя новая реальность. Я обняла себя за плечи, чтобы унять дрожь в теле, и медленно спустила ноги с широкой кровати.

Я все еще была во вчерашнем платье. Теперь оно казалось белым. Наверное, на фоне бордовых потеков крови и черно-коричневых пятен от земли и песка. Сказочник тактично не стал меня раздевать. Куда я денусь? Еще успеет, если захочет.

В квадратные окна дружелюбно заглядывал новый день. Свет и свежесть. Ступни утонули в мягком песочного цвета ковре. Добротная деревянная мебель будто вращалась в стены. Напольное зеркало, закованное в деревянную раму такого же теплого оттенка, отражало мое бледное осунувшееся лицо. Все было не так уж плохо: раны в уголке рта почти не было видно, губы припухли, и только. Ушибленная рана на виске терялась в волосах. Засохшей крови, уродливо склеившей вчерашние локоны в сосульки, тоже было немного. Видимо, *он* меня умыл или обтер каким-то маслом. Хотя ничего такого я не могла вспомнить.

Только синяки, повторяющие форму веревок на запястьях, странные и страшные. Фиолетово-черные. Напоминающие мне, что себе я больше не принадлежу.

Но я была молодой, мое тело – сильным и здоровым, а голова – ясной, как никогда. Можно хоть сейчас сесть и за несколько дней написать новую книгу. Я была на пике формы. Но все свои таланты мне предстояло потратить вовсе не на книгу. На нечто более важное. Мне придется «написать» новую жизнь.

Я без труда обнаружила дверь в ванную. Странный завораживающий болотно-зеленый цвет кафеля. Тут нашлось все необходимое. Даже любезно поставлена корзина для грязного белья. Только вот сменной одежды не было. Не страшно. На золотистом витом крючке висела длинная футболка, которая доходила мне почти до колен, и синий махровый халат. Я приняла душ и облачилась в имеющиеся вещи. Все, в чем я была, бросила в корзину. Злосчастные туфли-лодочки отсутствовали. Видимо, они остались в гостиной, а то и вовсе в машине.

Напоследок зацепив взглядом овальное зеркало над нефритовой раковиной, я с недоумением отметила, что выглядела очень хорошо. Лучше, чем вчера, в дорогом вечернем платье, при макияже и прическе. Сейчас мои волосы, подсыхая, завивались крупными локонами, кожа была естественно-матовой, глаза блестели. Кажется, этот дом меня красил.

Я не сразу сообразила, почему мое отражение в зеркале производит такое впечатление: цвет моих волос и глаз гармонировал с основным тоном пола и некоторых предметов мебели, а цвет кожи – с оттенком большинства декоративных элементов на стенах. Золотистое, зеленое, бежевое. Я как будто часть обстановки. Это совпадение? Или я стала такой за эту ночь? И раз я теперь словно предмет здешней мебели, не означает ли это, что этот дом я уже не покину?

Я погнала прочь эти мысли. Надо собраться. Вперед, и никаких сомнений! Поправив волосы, я покинула ванную, примыкающую к выделенной мне комнате, и толкнула дверь, ведущую в холл. Она была не заперта. Я практически вывалилась наружу: открытая дверь оказалась для меня такой неожиданностью, что я не рассчитала силу.

Я находилась на втором этаже. В небольшом уютном холле с книжным шкафом, низким столиком и парой широких кресел обнаружили еще три двери. Прямо напротив «моей» комнаты – двухстворчатая дверь с тяжелыми витыми ручками в виде оскалившихся драконьих голов. Я не сомневалась: это *его* комната.

И все же изучение обстановки разумно было отложить. Неизвестно, как Сказочник на это отреагирует. Этот человек вчера убил двоих людей... или похоронил их заживо. По крайней мере, один из них еще был жив. Так что каждый мой жест, каждое слово должны быть произведением искусства. Должны быть идеальны.

Но была одна проблема. Женька абсолютно точно подметила: я совершенно не умела врать. Значит, мне предстояло сделать сверхусилие и поверить в каждое свое слово и в каждый поступок. Пусть лучше потом, когда я выберусь из этой передраги, со мной работают лучшие психиатры. Пусть колют мне транквилизаторы и нейролептики и учат различать, где заканчивается объективная реальность и начинается мое самовнушение.

Мне придется говорить с ним о его книгах, об искусстве и мастерстве, об авторитетах, о душе? Абсолютно точно. Мне придется с ним спать? Почти наверняка. Если он этого пожелает. Но он далеко не урод, а я не шестнадцатилетняя девственница. Ничего страшного. Мне придется измениться. Потому что я очень хочу жить.

В облаке подобных жизнеутверждающих мыслей я спустилась по широкой лаконичной лестнице, ступая бесшумно по теплому деревянному полу. В просторной кухне-гостиной выделялся сектор, в котором этот паук сейчас плел свою паутину. Это был его рабочий кабинет, условно отделенный от остального пространства. Небольшой, но зачем ему больше, ведь он жил один. Видимо, когда он заказывал проект этого дома, он уже был одинок.

Я шла на легкий умиротворяющий стук клавиш. Сказочник работал за своим письменным столом. Писал свои сказки. Наверное, сейчас он писал страшную – про погребенных заживо. Сказку, которую подпишет фамилией Масонов.

Оранжевый рассвет через видовые окна просторной гостиной светил Сказочнику в лицо. И делал глаза почти желтыми. Три солнца – всплыла в памяти смутная ассоциация.

И хотя я могла какое-то время смотреть на солнце, ни за что бы не поставила так рабочий стол. Но не похоже было, чтобы Сказочника беспокоил солнечный свет. Может, он поглощал его? Бледной кожей, золотыми глазами... Дракониный профиль в слепящем свете намертво запечатлевался сейчас в моей памяти. Навсегда. Я знала, никакие таблетки и психотерапия не заставят меня забыть увиденное.

Я его не беспокоила. Он остановился сам. Небрежно смахнул невидимую пыль с серого рукава толстовки. Поднялся из-за стола.

– Доброе утро, малышка. – Он как ни в чем не бывало подошел ко мне, ненавязчиво приобнял и легко коснулся губами моего лба.

Высокий. Для меня – очень. Если девушка моего роста попыталась бы поцеловать мужчину его роста, ей пришлось бы встать на цыпочки, до ломоты в икрах.

– Будешь кофе? – Он вел меня, так же по-приятельски приобняв за плечи горячей сильной рукой. Обдавая запахом карамели и душистых трав. Такой непринужденный, в домашнем светло-сером спортивном костюме. Все еще привлекательный. Несмотря на вчерашнее.

Затем Сказочник усадил меня на высокий стул у барной стойки.

Я кивнула. В ответ на что? С чем я сейчас согласилась? Забыла.

Еще раз. Надо сделать мысленно шаг назад. Кофе! Он предложил кофе. Я должна быть собранной. Должна быть сильной. Должна...

Он приподнял мое лицо за подбородок, едва касаясь пальцами кожи. Просто намекнул, чего хочет, а я подчинилась. Последовала за его движением. Сказочник заглянул мне в глаза. Он меня изучал, он любовался сочетанием цветов, форм и фактур. Снова погладил мою щеку, как вчера, в машине. И наконец отвернулся.

– Я хотел бы, чтобы все началось иначе, малышка. Хотел бы позвать тебя в ресторан. Подарить тебе цветы. – Сказочник поставил чашку кофе, пахнувшего орехами, и белый фарфоровый молочник на зеленоватую мраморную столешницу. На несколько секунд о чем-то задумался, затем продолжил как ни в чем не бывало: – Однако все случилось так, как случилось.

Ничего не исправить. Нам предстоит решить, как поступить теперь. Поверь, я очень хотел бы сохранить тебе жизнь. Но, видишь ли, малышка, я должен быть в тебе уверен. Абсолютно уверен. Понимаешь?

Я кивнула. Что ж, мне все это не привиделось, и я не сошла с ума. Жаль. А малышка – это, видимо, теперь мое имя. Совсем не та малышка, как называют крутые парни своих подружек. Другая. Как детский смех. Как пушистый бок спелого персика. Как теплая прозрачная вода на отмели.

Глотнуть кофе у меня не получилось, почему-то начинали дрожать губы, как только я пыталась поднести к ним чашку. Так что я эти попытки временно оставила.

Сказочник не сводил с меня пристального взгляда.

– Как скоро тебя начнут искать? – прямо спросил он.

– Самое раннее через два дня, – честно ответила я. Голос дрогнул, хотя я очень старалась быть смелой.

Он удовлетворенно кивнул. Понял, что я сказала правду. Кажется, ему важно было не столько узнать ответ на свой вопрос, сколько понять, честно ли я отвечу.

– Ты живешь одна?

Я вновь кивнула. Сердце сильно стучало, я чувствовала его всем телом.

– Родители?

– В области, – уже без дрожи, но очень тихо ответила я, – мама будет ждать звонка дня через три. Папа давно умер.

– А твой мужчина?

Я легонько поморщилась и отрицательно качнула головой.

– Он не очень удивится, если я не возьму трубку.

– Ты его не любишь?

– Нет.

«Потому что я любила тебя!» – выкрикнул в хрустальной тишине моих мыслей внутренний голос. А теперь я, наверное, никого не люблю.

– Подруга будет ждать, что я позвоню ближе к вечеру. Ей можно не отвечать сутки. Потом она начнет за меня волноваться. – Голос прозвучал почти как обычно. Только что-то дрожало в моем теле, где-то под ребрами, и дыхание никак не хотело выравниваться.

– Ясно, – заключил Сказочник, – значит, ты позвонишь ей вечером, я тебе помогу.

Я снова кивнула. Вдох и длинный выдох. На выдохе сердцебиение замедлилось.

– До вечера у нас много работы, – произнес шепотом хозяин моего положения мне в самое ухо. Вдоль позвоночника пробежали ледяные мурашки.

У меня было много вопросов: что будет со мной дальше? Зачем он это сделал?

Но вдруг Сказочник уже решил все не в мою пользу? Я просто не была готова услышать ответы. А причина убийства Аллы и Якова мало что мне дала бы. Я стучала зубами о тонкие стенки чашки, пытаюсь попить. Какие уж тут вопросы...

Мне все же удалось выпить кофе, хоть и маленькими глотками. Поесть пока не получалось.

– Сейчас полвосьмого утра, – сказал он, перекладывая пустую чашку во встроенную посудомойку, – я ненадолго отлучусь. Привезу тебе одежду. Хотя я и не против, если ты обойдешься без нее.

Он внимательно посмотрел на меня, легонько усмехнулся. Что он себе думал? Что от таких шуток мне сейчас полегчает? Не дождавшись от меня никакой реакции, Сказочник продолжил:

– А вечером ты позвонишь подруге. И, если все пройдет хорошо, может, пойдем прогуляться.

«Все должно пройти хорошо!»

Уходя, он влил в меня еще стакан воды. Несмотря на кофе, глаза у меня начали слипаться. Сказочник помог мне лечь на диван в гостиной, укрыл пледом.

– Скоро станет легче, малышка, – сказал он.

Кажется, он говорил что-то еще. Я уже не слышала. Я куда-то проваливалась. На меня падали красные, как рубины в том кольце, ягоды. Вперемешку с землей.

Я шла по пожухлой мертвой траве босыми ногами. Теплый ветер обнимал меня за плечи, легонько шевелил волосы. Я остановилась и оглядела свои ноги. Что-то было не так. Из-под земли, раздвигая синюшными пальцами желтоватую траву, показалась рука с рубиновым кольцом на среднем пальце. Алый лак облез, ногти частично обломались. Она искала меня. Хотела меня схватить? Или хотела, чтобы я ее спасла? Вытащила из-под земли? Оказалась хитрее, быстрее? Ударила его? Закричала? Успела кого-то позвать? Ведь у нее был шанс на целую жизнь... Но я была не настолько проворна. Или просто не захотела?

Сказочник подхватил меня на руки и оторвал от земли. Рука беспомощно елозила по траве, потом в отчаянии опустилась на землю, не найдя помощи. Меня захлестнула жалость.

Я проснулась, резко подскочила, практически оказавшись в объятьях Сказочника. Он, должно быть, недавно вернулся, присел на край дивана и смотрел, как я сплю.

Я хотела было подняться, но почувствовала ломоту сразу во всем теле. Он остановил меня жестом. Я выпила кружку куриного бульона, после чего мне удалось дойти до ванной. Ломота отступила. Видимо, это была просто общая слабость от голода.

Чуть позже мне наконец удалось нормально поесть. Я переоделась в новую одежду: белое кружевное белье, простое и удобное, домашние спортивные светло-серые штаны из приятного материала со вставкой на поясе, как делают в одежде для беременных, и белая хлопчатобумажная майка. Надо ли говорить, что у него оказался прекрасный глазомер. Мне следовало относиться ко всему этому проще. Нужно было сотворить в себе другую личность, которая его полюбит и примет. Я же создала массу персонажей, неужели я не смогу сделать то же самое для спасения своей жизни? На более высоком уровне... К тому же обмануться мне надо было самую малость.

Я прикрыла глаза и сосредоточилась. Где-то в глубине души я ни о чем не сожалела. Весь мой жизненный путь вел меня именно в эту точку пространства-времени. Скорее всего, я сама сотворила эту судьбу, подавая документы на филологический факультет, а затем перетаскивая их на факультет журналистики. Или глядя втайне корешки его книг из своей домашней коллекции. Говоря откровенно, моя домашняя библиотека была чем-то вроде капища. Где я молилась этому богу. Так чего ж теперь пенять на судьбу, если мои молитвы были услышаны? Теперь только вперед. Это жестокий бог: либо вперед, рядом с ним, либо одна, но в землю. В землю я не торопилась. И под пеленой страха и обывательской зашоренности, где-то в своей подгнившей сердцевине, я любила своего бога. Бога страшных сказок.

Вечером я поговорила с Женей. Подруга подумала, что я разговариваю так вяло, потому что безобразно напилась на своем светском рауте и уже почти сутки маюсь жестким похмельем. Разговор уложился в две минуты и завершился обещанием созвониться на днях.

Сказочник остался доволен. По крайней мере, немедленному уничтожению я не подлежала.

Он сел рядом со мной на диван.

– Я нравлюсь тебе, малышка. – Это был явно не вопрос. Сказочник лишь констатировал очевидный для него факт. – Нравлюсь, несмотря на все, чему ты оказалась невольным свидетелем. Складывается впечатление, что ты была к этому готова. Как же такое могло быть?

Он с интересом наблюдал за тем, как яотреагирую, что скажу.

Я ответила вопросом на вопрос.

– Вы все свои произведения подписываете Сказочник В. Ю.?

– Вот оно что, – он запрокинул голову и рассмеялся, – узнала про Масонова? Не стану отрицать. Работы мои. Но это известно очень узкому кругу лиц. Кто тебе рассказал?

– Я не знала об этом, не была уверена. Прочитала случайно.

– Умница. – Он прикрыл золотистые глаза на мгновение и одобрительно хмыкнул. – И что же, ты решила, что я психически больной, или наркоман, или маньяк, или все вместе? – Он улыбался.

Я просто кивнула.

– И сейчас тебе кажется, малышка, что два пункта из трех как минимум ты угадала?

Казалось, я его забавляла. Но надо было присмотреться к нему внимательнее. Можно ли не отвечать? Я читаю его намерения по мимике. Стараюсь предсказать, как изменится его настроение. Говорить ему неугодные вещи нельзя, но и лгать я тоже не могу. Он поймет, и, можно не сомневаться, я об этом пожалею.

– Не бойся говорить со мной, – подбодрил меня Сказочник.

– Я не хочу умирать, – заговорила я размеренно, – я не могу с тобой разговаривать так, как могла бы, потому что мне все время страшно.

На ты я перескочила совершенно естественно, незаметно для себя.

– Тебе не страшно, – перебил меня Сказочник.

Казалось, он тоже не заметил моей фамильярности. Или принял как должное.

– И страшно тоже, – не согласилась я, – просто все сложнее. Что, если я скажу что-то не так? Тогда ты и меня... – я запнулась. Прикрыла рот дрожащей рукой. Поздно. Уже сказала.

– Это просто слова, – пожал плечами Сказочник, деликатно беря меня за руку, – твоя задача – говорить честно. И делать все так, как я скажу. Говори правду и не думай, удобная она или нет. Ты поняла меня, малышка?

Я кивнула.

– Итак, – продолжил Сказочник, – вернемся к вопросу, который ты проигнорировала.

– Я думаю, что ты психически больной. И что ты маньяк, пожалуй, тоже. Что наркоман, уже не думаю, – выпалила я на одном дыхании.

Сказочник удовлетворенно кивнул.

– Еще я думаю, что ты меня обманул, и я отсюда никогда не смогу уйти. – Я нервно сжала его руку, как будто схватилась за провод под напряжением. – Я для тебя как на ладони. Но когда ты мне солжешь, я не пойму. А если и пойму, что с того...

Он усмехнулся и аккуратно погладил меня по щеке свободной рукой. На этот раз его прикосновение не вызвало у меня ассоциаций ни с кошками, ни с собаками. Появилось другое ощущение: будто ледяной водой окатили.

– Пойдем пройдемся, – тихо сказал он, – здесь очень красиво по вечерам. Рядом река, посмотрим, как солнце садится.

Вчера он перенес меня через порог на руках, как невесту. В окровавленном платье. Беззвучно плачущую.

И теперь я очень хотела выйти из этого дома. Пусть даже под надзором своего тюремщика, но увидеть небо, подышать осенью!

Среди привезенной им одежды нашлись вещи, подходящие для вечерней прогулки. Я влезла в темно-серые джинсы с высокой посадкой, надела длинную болотного цвета толстовку и черные полусапожки.

Вчера погода была почти летней, сегодня же наступила настоящая осень. Он приобнял меня за плечи и повел по тропинке от крыльца, в сторону леса.

Потом мы ходили по крутому берегу реки с неестественно темной водой. Шумной, порожистой, агрессивной.

Часть меня не сомневалась, что это последняя моя прогулка, я была напряжена. Может, поэтому и устала так быстро.

– Ну все, – нарушил наконец молчание Сказочник, – хватит с тебя на сегодня. Пора идти домой.

Мы прошли всего ничего, река еще толком не успела скрыться из виду, как вдруг я услышала шум машины, увидела блики от фар в подступающих сумерках. Совсем близко. Где-то рядом была дорога. Намного ближе, чем мне казалось. Сердце готово было выскочить из груди.

Вот же мое спасение. Буквально за теми деревьями! Я должна бежать. Сколько ему лет? Почему я, как Женька, не посмотрела в Википедии? Какова вероятность, что он бежит быстрее меня?

Усталость как рукой сняло. Все произошло быстрее, чем я успела осознать. Совсем как вчера, когда я улыбалась ему на вечеринке, такому красивому, в костюме и с бокалом шампанского в руке. Это было в другой жизни. В жизни, где он – известный блистательный писатель, а я – восхищенная им, далеко не такая одаренная, как он, коллега по перу.

Все стремится к равновесию. Вчера он молниеносно схватил камень с земли, ударил Якова и, вероятно, вышиб из бедняги дух. Сегодня так же поступила я. Вниз. Камень в руку. Вверх. Удар! Я моложе, я быстрее. Увидела, как тонкая, словно нитка, струйка крови показалась из-под копны его темных выющихся волос. По крайней мере, мне так запомнилось. Все произошло слишком быстро. Он не ожидал. Кажется, он начал оседать на землю. А может, и нет, но я бросилась к деревьям, за которыми явственно различила шум проезжающих автомобилей.

Дорога показалась метров через сорок. Она была пуста. Я побежала в сторону, как мне показалось, противоположную от его дома. Через пару минут я различила свет фар. Машина приблизилась и обогнула меня, вильнув резко влево. Водитель и не подумал остановиться, несмотря ни на какие мои знаки. Вот же гад! Я продолжала бежать. Следующий автомобиль, кажется, начал снижать скорость. Ни цвет, ни модель я не успела разобрать. Он затормозил прямо передо мной, а я уж подумала, что не остановится. Но, видимо, за рулем был настоящий ас: затормозил резко, мне даже показалось что он коснулся меня. Впрочем, в темноте я могла ошибиться.

Кажется, за секунду до того как открылась водительская дверь, я все поняла. Сказочник вышел из автомобиля и сделал шаг мне навстречу. Что-то у меня в груди болезненно сжалось, когда я взглянула на его лицо с тонкими потеками крови.

В его золотистых глазах мне привиделась *боль: я предала. Ударил и бросил.*

– Прости меня, – тихо прошептала я.

Он молча открыл переднюю пассажирскую дверь. Кивком велел мне садиться. Я не ожидала, что маленький синий седан принадлежит ему, мне просто не пришло в голову, что у Сказочника несколько машин. Хотя должна была догадаться. Совсем потеряла голову и перестала логически мыслить. Ведь он очень богат (по моим понятиям, разумеется), два дорогих автомобиля – ничего удивительного.

Я застыла. Во рту пересохло. Мои ноги словно вросли в землю. Я не могла подчиниться его приказу. Он шумно вздохнул. Сделал еще шаг мне навстречу. Крепко взял меня за плечо и силой посадил в машину. Прежде чем захлопнуть дверь, он вытер мне слезы, грубо, быстро и горячо касаясь моей щеки пальцами. Как будто около лица размахивали зажженной свечой.

Он сдал назад, выкрутил руль, автомобиль резко развернулся, и через несколько минут я снова оказалась в его владениях. Он загнал машину в отдельно стоящий гараж. Теперь я как следует осмотрелась. Внедорожник, который я видела вчера, стоял слева, справа – двухместный спортивный кабриолет. Открылась дверь. Он так же, за плечо, силой выволок меня из машины и из гаража, а затем повел через двор к парадной двери. Мы молча зашли в дом. Я обессиленно опустилась на бежевый пуф в прихожей.

За все это время он не проронил ни слова.

Сказочник опустил передо мной на колени. Снял с меня полусапожки. Очень аккуратно, почти нежно. И вдруг отшвырнул их с такой силой, что я на какое-то время перестала дышать.

Теперь он точно убьет меня. У меня нет ни единого шанса.

На дрожащих ногах я поднялась по лестнице и зашла в выделенную мне комнату. Я слышала, как внизу он запирает двери.

Глава 6

Болезненное озарение

Для Жени созвониться «на днях», как правило, означало – на следующее утро. Маша явно опаздывала. «Не могла же она настолько безобразно напиться», – рассуждала Женя.

Ничто сегодня не радовало. Суббота. Обычно каждую субботу, за редким исключением, они с Машей проводили вместе. И тут вдруг эта тишина.

Ее снежная крепость уже не радовала. Пушистый белый ковер приелся, как и дурацкий стеклянный столик, как и прозрачная люстра. Жизнь проваливалась в глубокую черную дыру. Вроде все при ней – и карьера, и красота, и на жизнь, мягко говоря, хватает. Но куда ее тратить, эту жизнь? Постить в соцсети, как с подругой вино пьешь или на выставки ходишь?

«Где-то я свернула не туда», – подумала Женька, чуть кривя на сторону идеально очерченные губы. Стоп! Она взяла эту мысль, аккуратненько выделила ее в голове и удалила, заменив другой. Даже другими: о новом ванильном бальзаме для волос и породистом котенке, которого собиралась купить. И о Маше, о том, как весело они будут шутить про ее Сказочника. Она непременно добьется, чтобы мелкая покраснела до кондиции помидорки. Она же так и не сказала, познакомилась с ним или нет. Это уже не лезло ни в какие ворота!

В личной жизни Жени сейчас было затишье. «Смена караула», как она говорила. Были в этом и свои плюсы – можно было заняться самообразованием: иврит там выучить или на кулинарные курсы записаться. Но... Пока не сложилось.

– А к черту! – Женя еще раз набрала подругу. Выслушала механический голос, сообщивший, что абонент занят чем-то поинтереснее, сбросила вызов. Наступила легонько на вытященный было с благой целью пылесос и заставила его вкатиться обратно в кладовку.

Туфли. Сумка. Куртка. «Нет уж, в субботу убираться грех», – решила Женька и хохотнула, выходя за дверь.

Маша жила в десяти минутах бодрой ходьбы. Или в двух минутах езды по правилам. Жене все равно было нечем заняться. К тому же у нее были ключи. Маша была знатным параноиком и отдала Женьке запасной комплект. Потому что «а вдруг я свои потеряю?»

Послушав какое-то время трель звонка в недрах Машиной квартиры, Женя полезла в сумку за своим комплектом.

В квартире никого не было уже пару дней. Это было предельно ясно по спертому воздуху. Не катастрофа, конечно, но ощутимо. Евгения прошла на кухню и открыла на микропроветривание окно. Она была тут как дома.

Из просторной гостиной двустворчатая дверь вела в маленькую светлую жилую комнату – гибрид спальни и кабинета. Британский стиль: ни вдохнуть, ни развернуться. Огромная кровать. Стол и шкаф с книгами, условно вдавленные каждый в свою стену кроватью-монстром.

Нет, символическое пространство между ними было. Шириной в несколько шагов. Все в серебристых и зеленоватых тонах. Болотный ковер. Сероватые поблескивающие обои. Марусины «цвета белой горячки», как любила пошутить Женя. Алкаши, как однажды сообщил Жене знакомый нарколог, галлюцинируют в этом цветовом спектре. А вот в гостиной было просторно и создавалась иллюзия больших объемов воздуха. В спальне, на вкус Жени, тесновато, но это было «самое уютное гнездо» из виденных ею.

Маня иногда предпочитала работать в гостиной на диване, а иногда даже сидя в ванной, но это случалось крайне редко. Женька в это время смотрела кино или подправляла рабочие отчеты в своем ноутбуке и пила мятный чай. Им было просто уютно вот так сидеть рядом и делать свои дела.

Женя подругу чувствовала. Перемены ее настроения, беспричинную хандру. И вот теперь она чувствовала – даже без всякого спертых воздуха – Маша не возвращалась сюда с той вечеринки. Проверить нетрудно.

Женя по-хозяйски залезла в шкаф. Платья не было. Висел только прозрачный чехол от него – в том бутике всегда дают чехлы к дорогим платьям. У Жени дома таких чехлов – восемь штук. И сумочки тоже не обнаружилось – той, что подходила к платью. И если всю одежду Маши Женя могла и не знать, то сумок у немодной «богемы» Маруси было всего три. Все очевидно.

Догадка, которую Женя никак не могла озвучить, горько кольнула где-то за грудиной. У Жени так бывало: она уже знала решение, но требовалось время, чтобы оно созрело в ее сознании и могло быть вразумительно сформулировано.

Снова прошла на кухню, закрыла окно, развернула ручку под другим углом и открыла нараспашку. Жене перестало хватать воздуха.

Догадка была горькой хотя бы потому, что основательно замешивалась на чувстве вины. Маленькая наивная Маша с ее восторженным взглядом и писатель-маньяк. Да это же были просто шутки, глупые подколы. Этого просто не может быть. Так бывает только в кино, а в жизни – никогда.

Воздуха не прибавилось.

Женя вернулась в гостиную, приблизилась к светло-серым двустворчатым дверям и толкнула их. Шаг вперед, повернуть налево. Еще три шага. Она могла проделать этот путь с закрытыми глазами.

На рабочем столе подруги лежали распечатки формата А-4. Скрепленные скобами в левом верхнем углу. Тощие, листов по восемь. Маленькие рассказы. Масонова. Женя сама о них ей сообщила.

Бегло пробежала верхний лист взглядом, порезалась о край. Белая царапина порозовела, заалела, и вот на листке отпечатался алый отпечаток Жениного пальца. Она зависла на несколько мгновений, затем небрежно разжала пальцы, листы с шуршанием упали на пол.

Женя резко развернулась и шагнула к противоположной стене. Вот книжный стеллаж. Здесь на уровне Маниного лица – широкая полка, на которой стояли только книги этого Сказочника. Женя агрессивно выдернула с середины полки томик в нежно-голубой обложке. На нем тоже останется метка Женькиного окровавленного пальца. Эдакая кровавая плата за знание. Книги, плотно стоящие по соседству, падали на полку, сыпались на пол. Женя была груба.

Она открыла роман, точнее, отворот с изображением автора и внимательно всмотрелась в черно-белое фото. Она не смогла бы объяснить, что пытается увидеть. Да никто и не спрашивал. Она была в квартире совершенно одна. Что-то в его глазах... Что-то такое... крокодилы или змеиное.

Женя захлопнула книгу. За грудиной вновь голодно и тоскливо укололо.

«Мудак», – прошипела она сквозь сжатые зубы.

Достала телефон и набрала Олега. Ее «надежда и опора», самый лучший друг по университету. Женя знала, он не будет задавать лишних вопросов, сделает все, как она попросит, и отнесется серьезно. Олег работал следователем. Женины пальцы дрожали, так что она сжала телефон крепче.

До того момента, как Олег ответил, она не знала, что конкретно скажет.

«Алло, Евгеньч...» – шутливо поприветствовал Олег.

И тут Женьку прорвало. Она говорила быстро и четко, симулируя хладнокровие.

Прежде чем покинуть квартиру, Женя не забыла положить лист на прежнее место. И вернуть книги на полку. Заперла дверь и спустилась на первый этаж. Выскользнула на улицу. Белоснежный «додж» мягко пискнул, снимая сигнализацию.

Руки уже не дрожали.

Если она не права, выкрутится, скажет заблудилась, перепутала. Простите-извините. Она же не знала этого Сказочника, а он не знал ее. Через пятнадцать минут она заедет к Олегу, и они вместе поедут по адресу, который он для нее найдет. Кто бы еще откликнулся на столь неадекватную просьбу?

Женя плавно выехала со двора. Маша была ей ближе кровной родни. Так уж вышло. Она мелкая не только потому, что младше и ниже ростом. Она как младшая сестра, которой у Жени больше не было. Женя не доглядела за ними тогда – за Олеськой и Машкой. Повторить эту ошибку она не могла себе позволить. Маша была ее лучшей подругой, и Женя надеялась, что они вместе на всю жизнь.

* * *

Бледное кукольное лицо Олеси. Мокрые волосы и...

Сначала Жене показалось, что у сестры на голове что-то лежит. Но это был кожный лоскут головы! Частично вывернутый – как одежда наизнанку. И из этой растерзанной розовой изнанки виднелись волосяные луковицы. Вот, оказывается, как это выглядело изнутри. Не в кино, а по правде. Эта розовая изнанка никак не могла быть Олеськой. Эти странные маленькие белые зернышки – корни волос внутри кожи – ошеломили Женю намного сильнее, чем даже костная крошка в дне раны.

Она тогда пришла на берег минут через двадцать после того, как Олеся с Машкой отправились купаться. По хитрому выражению глаз сестры в то утро она должна была обо всем догадаться. Но этого не произошло. А еще она должна была за ними присматривать. Но им же было по двенадцать, а не по четыре! Ей, в конце концов, было с ними скучно...

Когда шестнадцатилетняя Женя наконец неторопливо догуляла до берега реки, какой-то незнакомый парень нависал над Машкой, лежавшей у самой кромки воды. Пальцы ее ног терялись в илистом дне, вдоль бедра тянулась длинная темно-зеленая травинка с короткими острыми листочками-ноготками. Машка дергалась, как будто ее тошнило. А потом вся мелко задрожала, точно в припадке. Темноволосый пацан в мокрых джинсовых шортах до колен и черной футболке, бледный и перепуганный, гладил Машу по плечам и что-то тихо приговаривал. Не похоже было, что она его слышала.

А еще один парень тащил из воды Олеську. Она как-то странно лежала в его руках. Как-то не так.

Женя вся покрылась мурашками, несмотря на августовскую жару. Из мира ушли все запахи. Ушли оттенки цветов. Все было ясно. Не верилось, что несколько минут назад произошло то, чего ей уже не переиграть. Это было невыносимо. Дико. Такого не могло быть.

Олеся должна была стать чемпионкой, невестой, мамой! Она должна была состариться, жить с сестрой на соседних дачах, может, даже в этой самой деревне! Женя никогда не предавалась фантазиям о будущем старении. Но это было нечто само собой разумеющееся. И теперь все это неслучившееся разом нахлынуло на нее и ударило наотмашь.

Олеся никогда не поседеет. Никогда больше не увидит маму с папой. Никогда. В сознание прокралась малодушная мысль: а что, если это Машка виновата? Женька тут же отмела ее. Машка – вечно шелестящая книжкой тихая размазня с глазами на мокром месте. Олеська ее потащила на этот трамплин – и никак иначе.

А виновата – Женя. Которая поленилась с ними идти. Не захотела слушать фоном их дурацкие разговоры и хруст сухариков. Женя часто раздражалась из-за них и не верила, что четыре года назад и сама могла нести такой бред. Ей казалось, дети отупели за это время, а она была совсем другой.

Это не важно. Она любит сестру. Теперь особенно. Остро, пронзительно любит. Больше всех на свете. Эта любовь сейчас ее просто раздавит.

Спасительный холод пришел изнутри. Женя всегда будет поступать правильно и защищать слабых. Женя больше так не ошибется. Будет смотреть на мир прохладно и иронично. У нее будут друзья, она будет смеяться и шутить, но уже не так.

– Маленькая, ты чего? – расслышала Женька слова темноволосого парня, склонявшегося над Машкой. – Ты дыши давай!..

Женя отмерла. Надо делать то, что в ее силах. Теперь она будет поступать так всегда.

* * *

На перекрестке загорелся зеленый. Женя нажала на газ, подрезая седанчик слева, крутанула руль, выскакивая на крайнюю левую полосу. «Додж» неодобрительно взревел. Женя ускорила. Ей раздраженно посигналили. Плевать. Ее лицо было непроницаемо. Вот теперь – да. Настоящая Снежная королева.

* * *

– Не стану спрашивать, уверена ты или нет, – мерно выговаривал Олег, взъерошивая свои короткие светлые волосы. Этот жест говорил о том, что он нервничал. – Как тебе эта мысль пришла в голову, тоже интересоваться не буду.

«Додж» Жени был одним из немногих автомобилей, в которых высокий мощный Олег помещался без очевидного дискомфорта и даже мог немного вытянуть ноги.

– Спасибо, – просто ответила Женя и бросила на товарища быстрый озорной взгляд.

Они ехали на север уже сорок минут. По сведениям Олега, Владислав Юрьевич Сказочник, по документам Веденский, владел землей плюс-минус в ста пятидесяти километрах от их исходной локации. И если бы кто-то другой попросил у него узнать адрес известного (в определенных кругах) человека, да еще и, прихватив табельное оружие, поехать туда немедленно... Ясное дело, Олег послал бы его куда подальше.

Но это была Женя, которой Олег был обязан так, что до смерти не откупится, за один случай восьмилетней давности. Теперь он понимал, что поступает правильно. Может, кого-то и обманули бы показное спокойствие и бодрый вид Евгении, но только не Олега. Судя по ее жесткому, точно заиндевевшему лицу, он мог бы поспорить, что она на грани нервного срыва. Если уж Женя так просила, чтобы не сказать требовала, значит, причина у нее была серьезная. Правда, Олег рассчитывал услышать, в чем же там дело, пока они в пути.

Женя наконец заговорила:

– Маша пропала.

– Да помню я, ты сразу сказала...

– Не перебивай. Помнишь, у нас в универе Митин был? Право преподавал? За ним еще полкурса косяком ходило... А ведь он, прости господи, старый и страшный, как смертный грех. Но харизма...

– Жень, я чего-то не очень...

– Не перебивай, сказала. Этот Владислав Юрьевич у них, у литераторов, как у нас Митин. Светило, в общем. Открой его фото. Ну погугли, Олег... Я думаю, она с ним уехала.

На полминуты в салоне повисла тишина. День клонился к вечеру. Умиравшее яркое солнце бликовало на экране, и Олег недовольно морщился. Закрывал телефон ребром ладони и еле слышно чертыхался.

– Ну, – наконец произнес он, – я, конечно, не девочка, но вроде ничего такой. Какого года?! Фига, мужик хорошо выглядит!.. В крови девственниц, что ли, купается?

Олег оборвал неожиданно накативший приступ смеха и виновато замолчал, исподлобья косясь на Женьку. Она проигнорировала его, они свернули на съезд.

– Олег, а теперь погугли: Игорь Масонов, «Соль земли из-под лица твоего». Коротенькая история. Минуты за три прочитаешь...

В салоне было тихо минут пять. Женя явно переоценила способности товарища.

– И чего?.. – наконец подал голос Олег.

– Это Сказочник написал. Как думаешь, все у человека в порядке с головой?

На этот раз Олег молчал не больше десяти секунд.

– Нет.

Глава 7

Привет с того света № 1

Сказочник ничего не сказал мне в тот вечер. А когда я попыталась выйти из комнаты, дверь не поддалась.

Я легла на кровать, поджала ноги. Свернулась в клубок и зажмурилась.

Сердцебиение никак не замедлялось. Во рту постоянно пересыхало. Страх измотал меня. Он точно превысил некую допустимую меру и вылился через край. Страх оказался сыпучей прелой болотной землей. Она падала на меня сверху, терялась в волосах, забивалась в горло, щипала глаза.

Я стряхнула с себя это наваждение. Так и есть – задремала и не заметила.

Он был здесь.

На прикроватном столике обнаружился стакан воды, термокружка с чем-то, может, чаем или кофе и прикрытая широкой белой салфеткой тарелка. Я откинула край. Сэндвичи – один с красной рыбой, другой с холодным мясом и огурцом.

Сердцебиение вроде бы пришло в норму. Я залпом осушила стакан. Не чувствуя вкуса, съела сэндвич с мясом в два укуса. Открутила крышку с термокружки и поднесла к губам.

– Не советую это пить. – Из угла комнаты послышался сиплый голос. Определенно женский.

Сказать, что я была шокирована, – это ничего не сказать. Но испугаться сильнее я уже просто не могла. Во всяком случае, я так думала, пока женщина не шагнула из скудно освещенного угла.

Она предстала передо мной во всей красе, посеребренная сиянием луны, заглянувшей в окно. В пыльном, некогда алом платье, с растрепанной прической. Мне казалось, если потрогать – будет похоже на синтетический волос парика.

– Алла, – сипло представилась гостя и без приглашения опустилась на край кровати.

– Маша, – по инерции прошептала я еле слышно.

Алла подалась вперед и попала в ореол света настольной лампы.

– Ты же... – я подавилась несказанными словами. Жестокими, но честными.

Алла – женщина с рубиновым перстнем на среднем пальце. Я видела, как ее похоронили. Сказочник похоронил. Но я тоже почему-то была перед ней виновата. Как она выбралась из-под земли? Неужели?..

– Как тебе удалось?... – невпопад начала я, но осеклась, заметив, как отражается свет от ее тусклых глаз. Как у рыбы на прилавке.

Алла пожала плечами.

– Гнию? – просто спросила она.

Я отрицательно качнула головой. Множество раз в романах и повестях я описывала запах разложения. Спрашивала у Жени, какой он: им полагалось ходить в морг во время учебы. Гуглила. Но это все было с чужих слов. Папу мы кремировали, прощания не было. Я не знала, как должен пахнуть гниющий человек!

От Аллы слегка веяло лежалым сырым мясом. Как если оставить размораживать для стейков и забыть на сутки.

– Это отравлено. Вылей. – Алла кивнула на термокружку.

Я тупо уставилась на металлическую посудину. Почему-то я с ходу поверила ей.

– Обиделся, – пояснила Алла еще более сиплым голосом, пока я аккуратно ставила чашку на прежнее место. – Он как твой главный редактор... Ты же знаешь, что он треть присланных текстов вообще не смотрит? Сразу бракует. Говорит: «Не хочу иметь дело с неудачниками».

Гостья растянула в асимметричной улыбке синеватые подсохшие губы. Покрутила кольцо на среднем пальце.

– Откуда ты знаешь? – наконец спросила я.

– Сама ответь. – На этот раз реплика Аллы походила на глухое бульканье.

– Тебя тут нет, ты же мертвая.

– Нет, – печально согласилась Алла. – Это твои муки совести и игра подсознания. Я знаю только то, что ты знаешь... Про редактора, например. Или про отраву в кофе.

– А откуда я знаю про отраву? – не отставала я от своего видения.

– Ну кто же пьет кофе по ночам? Точно не ты. По крайней мере, он на это надеется. Наказать должен, вот и наказывает. Ты же не идиотка – у тебя и так сердце чуть ли не в трахее колотится. Ты везучая. А значит, кофе не выпьешь. Разольешь или забудешь. Ты именно такая... А я вот такой не была. С Яковом связалась. Думала, джекпот сорвала. Но какой там, даже не купил издательский дом... Обещал меня опубликовать, и вот что в итоге...

Алла провела восковой рукой, очерчивая в воздухе овальную рамку вокруг своего лица. Получилось интересно и многозначительно. Как бы фото на могилке. Я решила, что неплохо бы это использовать в будущей книге.

– Используй, – одобрила Алла, – это же на самом деле ты придумала. Я плохо писала...

– Правда? – завороченно переспросила я. – А откуда я могу это знать?

– А ты заметила, что у меня лицо глупое.

– Мне жаль, – почему-то стало неловко.

Алла только махнула рукой, мол, что теперь поделать.

Мы немного посидели в тишине.

– Хочу попросить, – медленно произнесла Алла, – если все-таки примешь решение, что ты его не любишь...

– Кого? – переспросила я.

– Дракона, – кивнула мертвая на запертую дверь, – Сказочника. В общем, если решишь быть свободной, найди меня, пожалуйста. Пусть похоронят по-человечески.

– Хорошо...

– Но ты не торопись с решением. Это всего лишь ритуал. Он для живых. А мертвым все равно.

Алла поднялась с кровати и снова шагнула в темный угол.

В комнате, кроме меня, никого не было.

Следующее утро началось так же, как и предыдущее. Кроме солнца. Сегодня было хмуро. Небо болело и хотело упасть. Что ж, такая погода больше соответствовала моему положению.

Дверь в коридор открылась с первой попытки и без каких-либо дополнительных усилий с моей стороны. Так что вряд ли ее вчера заело, или мне померещилось, что я заперта.

Сказочник сидел в глубоком кремовом кресле в коридоре. Как будто охранял мою спальню. Просидел так всю ночь или вышел только недавно? Серая футболка и брендовые спортивные черные штаны. Наверное, так и спал в одежде. Глаза его мне показались опухшими. Значит, спал, но очень чутко.

«Точно не плакал», – насмешливо резюмировал внутренний голос, звучащий в точности как у ночной гостьи.

Он поднялся мне навстречу. Я инстинктивно шарахнулась назад. Но там меня встретил дверной косяк, и я самую малость приложила локтем. Руку словно пронзило током, но тут же прошло.

Сказочник, казалось, не обратил на это внимания, спокойно приблизился и... обнял меня, крепко прижал к груди и длинно выдохнул мне в висок. Как мне показалось, с облегчением. Секунды тянулись, а он все не отпускал меня. Я непроизвольно глубоко втянула воз-

дух – получился прерывистый вдох, как будто хотела заплакать. Дрожь сама прорвалась в мое дыхание.

Сама не знаю почему, но я всхлипнула и медленно сомкнула руки за его спиной, обнимая в ответ. Он вдавил меня в свою грудь еще сильнее. Мои ребра хрустнули, и воздух стал покидать легкие против моей воли. Было не больно, но хруст вышел громкий. Видимо, этот звук привел его в чувство, и он ослабил хват.

Еще через мгновение вовсе отпустил, отстранился и прошел стремительно в мою комнату, резко распахнул окно, повернулся к прикроватному столику. Содержимое термокружки, от которого я не решилась избавиться, беззвучно вылетело на улицу, описав кляксу, и скрылось из поля зрения на уровне подоконника. Саму кружку он крепко перехватил – на его кисти надулись толстые синеватые вены. Я успела разглядеть матовое металлическое дно и ободок по уровню кофе, прежде чем кружка стукнулась о край мусорного контейнера и пропала за подвижной крышкой-вертушкой.

Сказочник приобнял меня за талию и притянул к себе. Снова выдохнул в висок и на этот раз коротко прижался теплыми, почти горячими губами к коже.

– Пойдем завтракать, маленькая...

* * *

Я сидела за барной стойкой и допивала кофе, болтая ногой в тапке. Он – за своим рабочим столом. Сказочник сказал, что я выбилась из графика и сегодня мне нужно начать писать книгу.

– Ты должна работать каждый день. Что ты сейчас пишешь?

Вообще-то я не большой любитель делиться такими вещами на промежуточном этапе. До этого момента единственным исключением из правила была Женька. Да и то потому, что а) я тестировала на ней тексты и принимала к сведению ее реакцию; б) я нуждалась в ее похвале, как в наркотике, иначе начинала хандрить. Впервые меня вынуждали раскрыть карты перед кем-то третьим. Перед тем, кто пишет намного лучше меня, перед тем, чье мнение для меня болезненно важно. В конце концов, я только вчера с ним познакомилась, с чего бы это вдруг я стала с ним откровенничать?

Потом в памяти всплыла сцена в лесополосе: у меня на глазах он закапывает людей в землю.

– У меня написана треть новой книги, и я дорабатываю старую рукопись. Все есть в облачном хранилище, – наконец нехотя выдавила я из себя. Рассказать о еще не созданном мире, который был только моим, для меня было гораздо тяжелее, чем раздеться.

– Возобновишь работу сегодня же. Нужно тебе кое-что купить. Пообедаем в городе. И без глупостей, малышка. – Он серьезно взглянул на меня поверх очков, которые я видела на нем впервые, и снова уставился в монитор. Застучали клавиши.

Говорят, необходима настройка, погружение в мир персонажей, полная тишина и отсутствие посторонних. Для меня это было обязательным условием в восьмидесяти процентах случаев. Сказочник, похоже, ни в чем таком не нуждался. Он проваливался в свою вселенную моментально. На эффективности его работы никак не сказывалось то, что он вынырнул, поговорил со мной и нырнул обратно. Это было так странно... Или это тот самый недостижимый для меня высокий профессионализм? Я почему-то была уверена, что, попытаюсь я сейчас открыть замок входной двери, он меня услышит и тут же окажется рядом. Он «ушел» не уходя. Он охватывает своим вниманием как минимум два мира параллельно.

«Шизофреник!» – объявил голос Аллочка внутри моей головы.

Допив кофе, я сползла с высокого барного стула. Посмотрела на Сказочника. Он не отрывал взгляд от монитора. Станный он все-таки. С чего он решил, что я буду сидеть и молчать, как верная собака? Вчера же только получил камнем по голове. Но, с другой стороны, мне

действительно незачем сейчас делать глупости и нервировать его. Если он и впрямь пойдет обедать со мной в людное место, у меня будет масса возможностей сделать глупость там. И не одну.

Я поднялась по лестнице. Надо было принять душ и переодеться. В холле второго этажа на книжной полке, прибитой к стене на уровне моих глаз, я увидела не замеченный ранее стационарный телефон. Рука сама за него схватилась. Я поднесла трубку к уху. О чудо, телефон работал! Я вздохнула и... медленно положила трубку на место.

– Умница, – прозвучал *его* голос прямо у меня за спиной.

Я вздрогнула и шарахнулась в сторону.

Я была уверена, что все еще слышу мерный стук клавиш, долетающий снизу, из его рабочей зоны! Как он оказался здесь? Как подошел так тихо? Он не человек! Он демон, и не иначе как переместился по воздуху.

– Поборола свой моральный долг? – любопытствовал хозяин дома.

Я судорожно кивнула.

– Как думаешь, ты справишься с нашими планами на сегодня?..

Я опять кивнула. Но уже медленнее. Хорошенько подумав, прежде чем это сделать.

– Иди, – милостиво позволил Сказочник.

Я прошмыгнула в свою комнату, притворила за собой дверь и сползла по стене на пол. Пару минут я сидела на пушистом песочного цвета ковре, покрывающем почти весь пол, и просто глубоко дышала. Затем поднялась на ноги и отправилась в душ.

Глава 8

Родственников не выбирают, или «В темноте их можно перепутать»

Сказочнику хватило наглости привезти меня в свой любимый ресторан, где официанты знали его лично, и, отдавая распоряжения, он был крайне немногословен.

Здесь было самую малость мрачновато. Как в его книгах. Идеально выверенный размер зала: чуть меньше – и станет душно, чуть больше – и исчезнет ощущение камерного уюта. Диваны полукругом обступали гладкие овальные столики из темного дерева. Небольшой камин притаился в углу и еле слышно потрескивал из-за защитного экрана. Маленькие оконца-бойницы. И зачем-то – разноцветные гипсовые бычьи головы, выступающие из укрытых тканевыми обоями стен. Нежно-розовые, лимонно-зеленые и мятно-зеленые. Головы ставили меня в тупик. Эдакий арт-хаусный охотничий уголок.

Наверное, так же странно было в безумной голове Сказочника, поэтому ему здесь нравилось. И, едва я перешагнула порог, когда Сказочник распахнул передо мной дверь, понравилось и мне.

«Мятно-зеленая бычья голова будет у меня самая любимая», – спонтанно решила я.

К тому моменту, когда Сказочник усадил меня за столик напротив камина, у мятной бычьей головы уже было имя и история.

– Хочу мятный кофе, – обронила я в пространство.

Сказочник усмехнулся и кивнул официанту.

Когда парень в бежевом переднике подошел к столу, я почти сбросила с себя дурман. Почему я молчу? Какой еще кофе?!

Это же мой шанс. Я впились взглядом в официанта.

«Говори!» – приказал мне внутренний голос.

– Помо... – я схватилась за горло. Голосовая щель спазмировалась. Мне было тяжело вдохнуть. Почти как тогда, под рыжей водой, с Олеськой.

– Я... – предприняла я еще одну попытку, воздух еле-еле прошел по какому-то узкому ходу к моим легким.

Сказочник приобнял меня и тихо сказал официанту:

– Водички принеси. И мятный капучино. И через десять минут подойди к нам.

Парень в фартуке беззвучно исчез.

Сказочник мягко рассмеялся и притянул меня к себе.

– Давай-ка я тебе помогу, малышка. – Он стянул с меня травянисто-зеленую кофту крупной вязки и небрежно бросил на спинку дивана. Я осталась в шелковистой майке на бретелях, того же оттенка, что и понравившаяся мне бычья голова на стене.

– Дыши, – мягко приказал Сказочник и положил раскрытую ладонь мне на горло, – дыши, маленькая.

Под его теплой рукой спазм медленно ослабевал, и мне с каждым вдохом удавалось протолкнуть в себя чуть больше воздуха.

– Не делай очередную глупость, маленькая, – мягко выговаривал Сказочник мне в самое ухо, – ты ведь этого не хочешь. Звать на помощь, убегать. Завершать на такой ноте, толком даже не начав. Ты вступила наконец-то на свою настоящую дорогу. Тебе страшно. Но это нормально. Это пройдет. Тебе подсказывает твое собственное тело: ты не хочешь говорить эти слова. Слушай мой голос. Вдох и выдох. Смотри на огонь...

Я зажмурилась и открыла глаза. Огня в маленькой утробе камина как будто стало меньше. Передо мной стояла пол-литровая чашка капучино с приятной нежно-зеленой кляксой-завитком в центре. И веточкой мяты в пушистой белой пене.

Сказочник подозвал официанта, заказал нам по стейку с кровью и запеченными на гриле овощами.

Когда в желудке разлилось приятное тепло, я почти успокоилась. И начала задаваться очевидными вопросами.

«Почему?»

Почему я его слушаюсь? Что, черт возьми, со мной происходит? Не мог же он лишиться меня воли. Никому никогда не удавалось лишиться меня контроля над моими мыслями и поступками, после смерти Олеськи я проходила терапию почти восемь лет. Так почему теперь у меня стоял ком в горле? Или я настолько напугана...

Видимо, мыслительный процесс отразился на моем лице.

– Какие-то проблемы? – спросил он.

– Да, – почти спокойно произнесла я.

– Итак?.. – внимательно посмотрел мне в глаза Сказочник, откладывая приборы.

– Почему я тебя слушаюсь? Почему я не использую любую возможность, чтобы сбежать? Почему я не кричу? Не зову на помощь? – выпалила я на одном дыхании.

– Ты меня любишь, – прервал поток моих слов Сказочник и ухмыльнулся краешком рта.

Я опешила. Открыла и закрыла рот, как рыба.

«Наглость – второе счастье», – подсказал голос Аллы внутри моей головы.

Сказочник, очевидно, уверовал в собственную неуязвимость. Мое молчание произвело на него впечатление, и теперь ему казалось, что все будет так, как он решил. Разубеждать его я не стала.

– Не боишься? – спросила наконец я.

– Не боюсь, малышка, – просто ответил он, не отрываясь от изучения десертной карты.

– Вчера я ударила тебя камнем по голове, – напомнила я.

– Я помню, – спокойно сказал он, поднимая на меня взгляд, – и, вероятно, до сих пор возвращаешься к мысли, как бы от меня сбежать. Краешком разума. Вот только твое тело не хочет бежать. Голос обрывается, ноги заплетаются. Выпадают поля зрения, обманывает слух. Это и есть ты сама. Твоя суть. До того, как тебя научили быть другой. Быть как все. Это было правильно, чтобы выжить. Но со мной тебе это не нужно. Все, что ты приобрела, пытаясь вписаться в окружающий мир, можешь оставить. Покажи мне свою голую душу.

Он снова потянулся ко мне, поймал прядь моих волос и начал поигрывать ею, пропуская между пальцами.

– Угу, – тихо промычала я в ответ, отводя взгляд, а затем выпалила на одном дыхании: – Часть меня просто кричит, что я должна сбежать. Ты сделал такое...

«Ты» или «мы»?

Я обвела взглядом зал. Не слышит ли меня сейчас кто-то? Не выгляжу ли я затравленно? Или настороженно?

Жертва я или сообщник? У меня не было ответа.

Сказочник улыбнулся, а я испуганно замолчала. Почему-то инстинктивно взялась за средний палец левой руки под столом и сделала круговое движение – Аллочкин жест. Как будто хотела покрутить кольцо. Которого, разумеется, не было.

– Почему ты должна сбежать, малышка? – Он заставил меня чуть податься к нему, потянув за прядь моих волос, которые не отпускал все это время.

– Я не знаю, не могу объяснить, – я стала говорить тихим шепотом, – вчера я осознала, что делаю, когда уже бежала к дороге... Или, может, уже на дороге. В свете фар автомобиля, который не остановился...

– Подожди-ка милая, – он разжал пальцы, и я с облегчением качнулась назад, – был еще какой-то автомобиль?

Я немного смутилась. Стоило ли это говорить? Что это может для меня значить?

– Ну да, – я замялась, – он вильнул и объехал меня. Не остановился. А потом почти сразу появился ты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.